

КАРТОГРАФ ДЛЯ ЗАБЛУДИВШИХСЯ

МИРА РАНСКАЯ

Мира Ранская

Картограф для заблудившихся

«Автор»

2026

Ранская М.

Картограф для заблудившихся / М. Ранская — «Автор», 2026

Ярина Вежа чертит земли, которых ещё нет: в Дальнем Круге дорога появляется лишь после человеческого выбора. Когда лес удерживает живичную артель, цех предлагает привычное спасение — готовую карту. Но за каждый такой выход кто-то теряет память о целом годе учения вместе с ремеслом. Следующей ценой назначен мерный год самой Ярины. Расследуя цеховые записи, она узнаёт, что старший Демьян Рез много лет тайно перекладывал плату на семьи мастеров, мёртвых наставников и людей, которых никто не спрашивал. Чтобы вывести пропавших и не отдать лесу очередную чужую жизнь, Ярине придётся отказаться от права решать за братьев, заново научиться собственному ремеслу и создать карту, которую каждый заблудившийся сможет дописать поступком. «Картограф для заблудившихся» — ремесленное фэнтези о памяти, взрослом родстве и цене удобного чуда, которое избавляет от выбора только того, кто распоряжается чужой судьбой.

© Ранская М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Просека завтрашнего дня	6
Глава 2. Вереск у кромки	14
Глава 3. Люди без следов	24
Глава 4. Цена умения	30
Глава 5. Старший цеха	41
Глава 6. Карта на коже	50
Глава 7. Первый возвращённый	58
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Мира Ранская

Картограф для заблудившихся

От автора

Карта обычно обещает уверенность. На ней дорога уже проведена, река лежит на своём месте, а белое пятно кажется недостатком, который однажды исправят. Но что, если земля возникает только после человеческого выбора? Тогда слишком подробная карта становится не помощью, а приказом: она заранее решает, кто куда пойдёт, чем рискнёт и какую дорогу никогда не увидит.

Эта история — о ремесле, которым можно спасать и распоряжаться; о семье, где забота незаметно присваивает право последнего слова; о навыке, который кажется самой надёжной частью человека, пока его не приходится учить заново. Здесь утраченная память не возвращается красивой наградой, а добрые намерения не освобождают от ответа за чужую цену.

В Дальнем Круге заблудиться можно не только среди деревьев. Иногда человек теряется внутри решения, принятого за него. Чтобы выйти, ему нужен не тот, кто нарисует всю дорогу до последнего поворота, а тот, кто оставит на листе место для его собственного шага.

Глава 1. Просека завтрашнего дня

Ярина провела рейсфедером вдоль линейки и остановилась за волосок до края листа.

Тонкая зелёная линия ещё не была дорогой. Пока это было только обещание, которое лес мог принять или высмеять. Чернила блестели на бумаге, пахли железом, дождевой водой и растёртой хвоей. За открытым окном цеховой мастерской шумел Дальний Круг — ровно, широко, будто море, до которого от Вереска было три недели пути. Ветер налетал оттуда сырым порывом, шевелил подвешенные под потолком карты и пытался загнуть угол свежего листа.

Ярина прижала угол костяным грузиком.

— Не дыши на него, — сказала она.

Ученик у двери поспешно закрыл рот. Звали его Лют, ему недавно исполнилось семнадцать, и он всё ещё верил, что мастер способен услышать неверное движение за две комнаты. Ярина не стала объяснять, что говорила не ему. Лист тоже следовало предупреждать. Бумага для будущих земель запоминала дыхание людей, скрип половиц и случайные слова. Однажды чихнувший писарь добавил к карте овраг, которого не было ни в одном вероятном исходе. Трое землемеров потратили день, прежде чем поняли: овраг появлялся только тогда, когда один из них громко желал писарю здоровья.

На столе лежала карта северной кромки Дальнего Круга. Там, где обычный землемер поставил бы условный знак поляны, оставалось белое пятно размером с ладонь. Поляны пока не существовало. Завтра семеро углежогов должны были прийти с юга, снять старые печи и расчистить валежник. Если они дойдут вместе, не поссорятся у ручья и выберут сухую сторону для ночлега, лес раздвинет ели. Тогда возникнет открытое место, на котором через месяц можно будет поставить новый угольный стан.

Если хотя бы один человек поступит иначе, зелёная линия упрётся в глухую чащу.

Ярина склонилась ниже. В стеклянном пузырьке осталось чернил на два пальца. Их варили не из чудесных трав, а из самых обыкновенных орешков-наростов на дубовых листьях, железной стружки и уксуса. Чудо начиналось позже: когда рука картографа связывала место с возможным человеческим поступком.

— Повтори условия, — велела она.

Лют выпалил:

— Семеро выходят от Чернильного ручья на рассвете, держатся восточного берега, старший Бран не сворачивает за старой кладкой, у поваленной ели они делят груз поровну, а после полудня...

— Не то, что написано в наряде. То, что они способны сделать.

Ученик запнулся. Он держал в руках дощечку со списком, но теперь опустил её.

— Бран способен не сворачивать, потому что видел кладку зимой и знает, что за ней топь. Груз они способны разделить, потому что у младшего углежого повреждено плечо. После полудня они способны... не ругаться из-за места под печи.

— Это тебе кто сказал?

— Они сами.

— Люди много чего говорят в цеховой комнате. В лесу они станут мокрыми, голодными и уставшими. Почему не поругаются?

Лют нахмурился так старательно, словно собирался продавить ответ лбом.

— Потому что место уже поделено в договоре?

— Договор останется в Вереске. Что они понесут с собой?

Ученик посмотрел на карту. Потом на семь коротких зарубок у южного края, каждая из которых означала человека, а не дерево, не меру расстояния и не день пути.

— Общий трут, — догадался он. — Огниво одно на всех. Если разойдутся, никто не сможет поставить печь до дождя.

— Теперь похоже на правду.

Ярина коснулась пером последней зарубки. От неё следовало вывести едва заметный штрих к середине будущей поляны. Рука знала движение: указательный палец поддерживает шейку, большой не давит, локоть идёт свободно, дыхание задерживается не в груди, а будто в запястье. Она делала это сотни раз. В двенадцать лет впервые растёрла тушь для отца, в шестнадцать получила право чертить межевые копии, в двадцать три провела свою первую будущую тропу. Последние семь лет ни одна её рабочая карта не завела людей в чашу.

Рейсфедер вдруг выскользнул из пальцев.

Металлическая ножка ударилась о стол. На белом пятне распустилась клякса.

Ярина отшатнулась так резко, что табурет протяжно царапнул пол.

Лют кинулся к столу.

— Тряпку?

— Стой.

Клякса лежала на месте будущей поляны, круглая, зелёная, с тремя тонкими лучами. Испорченный лист стоил двух недель работы, но Ярина смотрела не на него. Она смотрела на собственную руку.

Пальцы были здоровы. Ни судороги, ни боли. На среднем — знакомая мозоль, на большом — вьевшееся пятно чернил. Но в течение одного короткого, страшного мгновения она не понимала, как взять инструмент. Металлическая вещица на столе была ей знакома, она могла назвать винт, створки и ручку, могла объяснить, как выставить толщину линии, — а пальцы не находили положения. Будто кто-то вынул из неё одно движение, полюбовался пустотой и вернул движение обратно.

Ярина подняла рейсфедер. На этот раз правильно.

— Вы устали? — тихо спросил Лют.

— Нет.

— Тогда я виноват. Я сказал про договор и сбил...

— Ты не виноват. Принеси промокашку и новый лист.

Он убежал к шкафу. Ярина поднесла руку к лицу и понюхала пальцы, словно причина могла оказаться в чернилах. Железо, уксус, хвоя. Ничего необычного.

Под зелёными лучами кляксы бумага начала сереть.

— Не надо нового, — сказала Ярина.

Лют застыл у шкафа с листом в руках.

Серое пятно расходилось по волокнам не как вода. Оно обтекало нарисованные линии, не касаясь их, и заполняло только белое место. В глубине пятна проступили крошечные чёрные черточки: сначала одна, затем ещё шесть. Фигурки углежогов. Они двигались к центру поляны, которой ещё не было. Один человечек заметно отставал; двое других повернули к нему, сняли каждый по вязанке и понесли дальше. Северный край серого пятна дрогнул. Нарисованные ели разошлись, освобождая круглое пространство.

Клякса стала поляной.

Ярина медленно выдохнула.

— Они изменили решение, — прошептал Лют.

— Нет. Мы неверно назвали его.

Она взяла тонкое сухое перо и разделила три зелёных луча. Один стал подходом от ручья. Второй лёг вдоль места, где завтра потащат чужую вязанку. Третий пришлось оборвать: он вёл к старой кладке и темнел на конце, как обожжённая ветка.

Лес принимал не слова из наряда и не правильные ответы ученика. Он принимал поступки, которые люди действительно могли совершить. Иногда картографу приходилось испортить дорожную бумагу, чтобы увидеть разницу.

— Запиши, — сказала Ярина. — Поляна возникнет не после раздела груза, а после помощи отставшему. Общий трут удержит артель вместе до ручья. Дальше удержит Бран.

— Почему Бран?

— Он отдаст свою вязанку, хотя у него большое колено.

— Вы увидели это в кляксе?

— Я видела, как он вчера встал между хозяином и младшим углежогом. Карта только перестала мне мешать.

Лют сел за боковой стол и заскрипел пером. Ярина провела ногтем по краю листа. Серость исчезала. Теперь белое пятно было прорезано зелёными штрихами, и от него пахло не только уксусом, но ещё влажной корой и дымом. Значит, связь установилась.

Оставалось проверить дорогу ногами.

Она свернула лист наружу рисунком, вложила в промасленный тубус и затянула ремешок. Потом вытерла рейсфедер, задержав его в руке чуть дольше необходимого. Пальцы помнили. Большой снизу, указательный на шейке, средний возле винта. Она ослабила створки, свела снова, проверила на обрезке бумаги. Ровная линия.

Ничего не произошло.

И всё же, убирая инструмент в ящик, Ярина положила его не в свою ячейку. Спихватилась, переложила и быстро задвинула крышку, пока Лют не поднял головы.

Во дворе пахло мокрой известью. Вереск третий день ждал осеннего дождя, и город приготовился к нему заранее: с крыш спустили деревянные желоба, бочки придвинули к стенам, телеги с дровами укрыли рогожами. Только дождь не шёл. Низкие тучи стояли над Дальним Кругом, цеплялись за верхушки елей, но над городом небо оставалось тусклым и сухим.

Ярина перекинула тубус через плечо. У ворот мастерской её ждал Мирон Лещ, цеховой ходок, коренастый мужчина в сапогах с двойной подошвой. Он жевал кислый стебель и смотрел на облака с личной обидой.

— Если твоя поляна опять окажется болотом, — сказал он вместо приветствия, — я сяду в неё и буду сидеть, пока ты не нарисуешь вокруг меня трактир.

— Трактиры чертит младшая мастерская.

— Значит, великие мастера бесполезны в главном.

Он принял у неё тубус, но Ярина не отпустила ремень.

— Кто первым пойдёт по линии?

— Я. Потом ты. Мальчишка останется на кромке.

Лют за спиной возмущённо втянул воздух.

— Он войдёт до первой отметки, — сказала Ярина. — И остановится, даже если мы позовём.

— А если лес позовёт вашим голосом?

— Тем более остановится.

Лют кивнул. Теперь он был бледен уже не от досады.

От северных ворот Вереска до кромки было меньше версты. Дома по пути стояли боком к лесу, без окон на северной стене. Так строили не из страха, а из бережливости: смотреть на Дальний Круг каждый день значило привыкнуть, а привыкать к нему не следовало. Даже дети знали, что за первой полосой берёз обычные меры начинают спорить друг с другом. Верёвка в сто локтей могла привести обратно к собственному началу; тропа, которую человек считал короткой, тянулась до сумерек; сказанное вслух решение становилось развилкой раньше, чем говорящий успевал передумать.

У кромки стоял столб с медной доской. На ней не было запретов. Только три вопроса, выбитые крупными буквами.

Куда идёшь?

С кем вернёшься?

Что сделаешь, если дорога изменится?

Мирон положил ладонь на доску.

— Иду к несделанной поляне, — сказал он. — Вернусь с Яриной и Лютом. Если дорога изменится, остановлюсь и назову изменение.

Лют повторил за ним, старательно заменив имена. Ярина отвечала последней.

— Иду проверить дорогу углежогов. Вернусь с Мироном и Лютом. Если дорога изменится, сначала узнаю, что изменилось в людях.

Медная доска потеплела под пальцами.

Они вошли между берёзами.

Сначала лес казался редким и почти городским. На ветках висели ленточки сборщиков, у корней лежали старые зарубки, сквозь листву просвечивала белая стена крайнего дома. Через двадцать шагов стена исчезла. Ещё через десять затих городской шум. Остался хруст сухой хвои под сапогами и редкий звон колец на тубусе.

Мирон дошёл до камня первой отметки и остановился. Ярина развернула карту прямо на его спине. Зелёная линия появилась на бумаге ярче, чем в мастерской. От неё отделилась тонкая светлая нить и легла на землю, огибая корни.

Лют ахнул.

— Не любуйся, — сказал Мирон. — Светлое здесь кусается не хуже тёмного.

Ярина шагнула на нить. Под подошвой хрустнула веточка, хотя земли она не касалась. Следом пошёл Мирон. Лют остался у камня, как было велено.

Первые двадцать саженей дорога совпадала с расчётом. Затем светлая нить раздвоилась. Левая ветвь уходила к ручью, правая — между молодыми елями, туда, где под мхом скрывалась старая кладка.

— Бран свернёт, — сказал Мирон.

— Может свернуть.

— На карте правая ярче.

Ярина присела возле развилки. На бумаге зелёный штрих к кладке темнел, но на земле казался ровным и заманчивым. Такая дорога сэкономила полчаса и силы. Если бы Ярина не разговаривала с Браном вчера, она бы выбрала её без сомнения.

— Он знает про топь, — сказала она.

— Знать и помнить, когда тащишь груз, не одно и то же.

— Поэтому у него на левой ноге будет красная обмотка.

Мирон покосился на неё.

— Обмотка лечит забывчивость?

— Его жена перевязывает красным больное колено. Он посмотрит вниз, когда нога заносит. Увидит цвет и вспомнит, как провалился у кладки зимой.

Ярина достала из кармана кусок красной шерсти и привязала к низкой ветке слева. Нить под ногами вспыхнула. Правая дорога мгновенно потускнела, ели сомкнулись, и между ними больше не оставалось прохода.

— Ловко, — признал Мирон. — А если жена перевязет синим?

— Тогда карта не сработает. Я просила красным.

— Ты просила жену, а не Брана.

— Люди редко проходят дорогу в одиночку, даже если рядом никого нет.

Они двинулись дальше. Светлая нить спускалась к ручью. Вода текла чёрная от торфа, мелкая, но быстрая. Через неё лежало бревно, которого не было утром, когда цеховой смотритель проверял подходы. Лес уже примерял будущую дорогу.

Мирон ступил первым. На середине бревно повернулось под ногой. Он вскинул руки, выругался и прыгнул на другой берег. Ярина рассмеялась — коротко, от облегчения, — и тут же пожалела. Лес отозвался эхом, хотя поблизости не было ни скалы, ни оврага.

Смех вернулся трижды. Первый раз её голосом. Второй — голосом Кира. Третий — низким голосом Олесь.

Ярина замерла на бревне.

— Не отвечай, — сказал Мирон.

Она и не собиралась. Дальний Круг любил примерять к человеку голоса тех, ради кого тот непременно повернёт назад. Лес не читал мысли. Ему хватало имён, произнесённых у медного столба, запахов на одежде и привычек, которые люди приносили с собой.

Но сегодня у столба она не называла братьев.

Ярина сошла на берег и оглянулась. Между деревьями никого. Лют должен был ждать у камня, достаточно далеко, чтобы не слышать.

— Ты говорил их имена? — спросила она.

— Чьи?

— Моих братьев.

— Я с твоими братьями не венчался и денег им не должен. С чего мне говорить?

Мирон не улыбался. Он тоже понял: лес взял голоса не из сегодняшнего разговора.

— На тебе что-нибудь их? — спросил он.

Ярина проверила карманы. Складной нож принадлежал ей, ключи тоже, шерстяные перчатки она купила весной. Под воротом на шнурке висело медное кольцо от старого отцовского циркуля. Его мог касаться Олесь, когда чинил застёжку. Кир мог снять кольцо со стола и вернуть. Но таких слабых следов лесу обычно не хватало.

— Семейное железо, — сказала она.

— Убери в тубус.

Она сняла шнурок и спрятала кольцо рядом с картой. Эхо больше не повторилось.

До будущей поляны оставалось меньше четверти версты. Здесь лес менялся. Ели стояли шире, подлесок редел, а земля под мхом делалась твёрдой. Светлая нить выводила к семи высоким соснам, окружавшим пустое место. Ярина сверилась с листом. На карте сосен было шесть.

— Не трогай седьмую, — предупредил Мирон.

— Я умею считать.

— Сегодня все что-то умеют, а завтра удивляются.

Он сказал это без всякого значения, но Ярина снова увидела рейсфедер, лежащий поперёк кляксы. Вспомнила пустоту в пальцах. Умение вернулось сразу. Возможно, она действительно устала. Две ночи подряд работала допоздна, потому что старший цеха Демьян Рез потребовал карту к сроку. Возможно, пережала ручку. Возможно, в мастерской было холодно.

Три объяснения, и ни одному она не верила.

Ярина подняла карту. Седьмая сосна на бумаге проступила медленно, начиная с корней. Ствол возник последним. На нём появилась чёрная зарубка в форме раскрытой ладони.

— Назад, — сказала она.

Мирон не спросил почему. Они отступили одновременно. Там, где только что стояла Ярина, мох вздулся. Из земли показался корень толщиной с руку, изогнулся и лёг поперёк светлой нити.

— Лес не принимает поляну? — спросил Мирон.

— Принимает. Но не для семерых.

— На карте восемь?

— На карте ладонь.

Она положила лист на землю, прижав углы камнями. Зарубка на седьмой сосне была не человеческой фигурой. Пять линий сходились у основания, будто пальцы, а выше тянулась одна короткая черта. Цех так не обозначал ни артель, ни дерево, ни препятствие.

Мирон присел рядом.

— След?

— Требование. Кто-то должен остаться у ручья и подать груз через воду. Семеро не смогут одновременно перенести вязанки и общее огниво по этому бревну. Один пойдёт дважды.

— Тогда один отстанет.

— И поляна откроется, когда двое вернутся за ним.

Клякса в мастерской показала тот же поступок, только Ярина неверно решила, что отстанет раненый. На самом деле отстанет тот, кто помогает остальным.

Она достала карандаш и на полях листа записала условие простыми словами. Не «восьмой переход» и не «возвратная мера», как любил выражаться Демьян. Так, чтобы понял Бран: первый перенёсший общий трут ждёт у ручья; двое возвращаются за его грузом; никто не входит между соснами один.

Когда последняя буква легла на бумагу, чёрная ладонь закрылась. Седьмая сосна побледнела и исчезла с карты. На земле корень ушёл под мох.

Мирон вытер лоб.

— Вот теперь нарисуй трактир.

— Сначала поляна.

Они прошли между шестью соснами. За ними не было открытого места — только редкий молодой ельник. Ярина свернула карту, коснулась ближайшей ветки и сказала:

— Завтра Бран приведёт сюда семерых. У ручья один задержится ради общего груза. Двое вернутся к нему. Все семеро войдут вместе и расчистят валежник до первого дождя.

Ельник зашумел, хотя ветер стих. Влажный воздух сгустился. На несколько ударов сердца Ярина увидела другое место поверх существующего: круглую поляну, светлые пни, сложенный валежник, дым первой печи. Видение было прозрачным, непрочным. Один неверный поступок мог стереть его.

Но поляна существовала достаточно, чтобы карта обрела вес.

Тубус на плече потяжелел, словно в нём лежал не лист, а тонкая каменная плита. Работа была принята.

На обратном пути лес не спорил. Светлая нить довела их до камня, где Лют стоял ровно на прежнем месте. Вокруг его сапог вырос круг мелких грибов, но ученик не сошёл с него ни на шаг.

— Вы звали меня два раза, — сообщил он.

— Мы не звали, — сказал Мирон.

— Я знаю. Первый раз мастер Ярина обещала, что покажет, как исправить кляксу. Второй раз вы сказали, что нашли трактир.

— И ты не пошёл?

— Мастер велела не идти, даже если позовёте.

Ярина хотела похвалить его, но из леса донёсся новый звук.

Не голос. Колокольчик.

Глухой, неровный звон приближался с запада, со стороны старой возовой дороги. Мирон сорвал тубус с плеча и передал Люту.

— За столб, — приказал он.

Из-за берёз показалась лошадиная морда. Серая кобыла шла медленно, повод волочился по земле. За ней выползла крытая телега. Правое колесо было обмотано верёвкой, полог разорван о ветви. На облучке никого.

Следом шла вторая лошадь, гнедая, с белой пеной на губах. Потом третья телега. Четвёртая.

Пустой обоз выходил из Дальнего Круга без возниц.

Ярина шагнула к дороге. Мирон удержал её за локоть.

— Сначала считаем.

Телеги проходили мимо медного столба одна за другой. На бортах темнели клейма живичной артели: сосновая капля над тремя засечками. В первой лежали пустые бочки. Во второй — мокрые плащи и мешки с сухарями. На третьей Ярина увидела топор, воткнутый в край борта, будто хозяин собирался вернуться через минуту. Пятая телега тащила за собой сорванную цепь. Шестая остановилась у ворот: лошадь больше не могла идти.

— Шесть, — сказал Мирон.

— У артели было семь.

— Откуда знаешь?

— Я чертила им входной лист три дня назад.

Она помнила двадцать одного человека, семь телег, запас на девять дней. Артель шла к смоляным чашам на северо-западной дуге, далеко от сегодняшней поляны. Их дорога была старой, закреплённой десятками проходов. Там не требовалась карта будущей земли — только честно отметить состав и срок возвращения.

Шестая лошадь опустила на передние колени. Лют бросился к ней, но Мирон рявкнул:

— Не пересекай столб!

Телега ещё оставалась по лесную сторону медной доски. Ярина обошла её по городской земле и взялась за повод. Лошадь дрожала. На ремне упряжи висела деревянная бирка с именем возницы: Рута Чашина.

— Рута водила артель, — сказала Ярина. — Она не бросила бы людей.

— Может, вывела их пешком другой дорогой.

— Тогда вывела бы и лошадей. Они знают её лучше, чем нас.

На дне телеги что-то блеснуло. Ярина отпустила повод и поднялась на колесо. Под рогожей лежал свёрнутый лист в красном цеховом футляре.

Красный означал спасательную карту.

Такие листы не выдавали артели заранее. Их составляли после пропажи, когда были известны место, число заблудившихся и человек, готовый оплатить возвращение. На изготовление уходило не меньше дня. Этот футляр не мог оказаться в телеге, ушедшей из Вереска три дня назад.

Ярина сняла его со дна. Замок был опечатан чёрным воском со знаком старшего цеха: рассечённый круг Демьяна Реза.

— Не открывай, — сказал Мирон.

— И не собиралась.

Она солгала. Пальцы уже искали пружину замка, знакомую каждому мастеру. Нужно было прижать большим пальцем нижнюю скобу, указательным подцепить язычок и повернуть кисть...

Пальцы остановились.

Ярина знала, что делать. Видела пружину, знала название каждой детали. Но рука снова не находила движения.

На этот раз пустота длилась дольше.

Мирон выхватил футляр прежде, чем она уронила его.

— Что с тобой?

— Замок заело.

Он посмотрел сначала на замок, потом на неё. Нажал скобу, подцепил язычок. Механизм открылся без сопротивления, но чёрная печать осталась цела: футляр можно было вынуть из кожаной петли, не вскрывая крышки.

— Конечно, заело, — сказал Мирон.

Лют стоял рядом с обессиленной лошадью и делал вид, что ничего не слышит.

С западной башни ударили в колокол. Стража заметила обоз. Через несколько минут сюда сбегутся люди: родные артельщиков, городские смотрители, цеховые мастера. Каждый задаст вопрос, на который у Ярины пока не было ответа.

Она посмотрела на тёмную кромку. Между берёзами висела неподвижная тень. Дорога выпустила шесть телег и ни одного человека. Седьмая осталась внутри. Вместе с двадцатью одним артельщиком — если число не изменилось.

В руке Мирона красный футляр казался свежим. На воске не было ни царапины. Демьян запечатал его совсем недавно или лес сохранил печать лучше, чем дерево, кожу и живых людей.

— Отнеси лист в цех, — сказала Ярина. — Никому не отдавай, кроме старшего. Лют, беги к конюшне, зови лекаря для лошадей. Потом найди писаря входных книг и вели принести запись артели к северным воротам.

— А вы?

Ярина взяла повод серой кобылы и вывела её целиком за медный столб. Только тогда животное тяжело вздохнуло, будто до этой черты не решалось поверить в возвращение.

— Я пересчитаю всё, что лес отдал, — сказала она. — И всё, что оставил себе.

Из города уже бежали люди. Первой Ярина узнала женщину в коричневом переднике — жену Брана, того самого углежога, чья завтрашняя дорога ещё не появилась. Женщина увидела клеймо артели, схватилась за грудь и остановилась.

У её старшей дочери муж ушёл за живицей.

Будущая поляна в тубусе вдруг показалась Ярине детской задачей. Семь человек, один ручей, общий трут, поступок, который можно проверить. Здесь было двадцать одно неизвестное решение и красный лист, составленный прежде, чем город узнал о беде.

Ярина сжала повод. На миг она снова не помнила, как держат рейсфедер.

Потом память вернулась, оставив после себя холодную пустоту.

Глава 2. Вереск у кромки

К полудню северные ворота перестали быть воротами и превратились в место, куда весь Вереск пришёл искать своих.

Шесть телег стояли вдоль стены. Лошадей распрягли, напоили и укрыли попонами. Возле каждой телеги городской писарь мелом вывел номер, а родственники артельщиков окружили их так тесно, будто дерево и пустые бочки могли ответить, что случилось в лесу. Люди узнавали узлы на верёвках, заплаты на плащах, зарубки на рукоятях. Один старик держал в руках чужой башмак и упрямо доказывал, что это обувь его сына. Жена соседа повторяла, что у сына были сапоги. Старик не слушал.

Ярина сидела за караульным столом и переписывала входную книгу.

Двадцать один человек. Семь телег. Двадцать четыре лошади. Проводница Рута Чашина. Старший артели Савел Круш. Цель — проверить северо-западные чаши, собрать живицу, заменить пять повреждённых желобов. Срок возвращения — девять дней.

На третьем дне лес отдал шесть телег и восемнадцать лошадей.

Она провела ногтем под последней строкой. Входной лист был обычным: серым, без будущих линий. Внизу стояла её собственная подпись. Ярина помнила, как Рута спорила из-за числа запасных осей. Помнила Савела, который принёс два лишних мешка муки и ни одного запасного ремня. Помнила семь телег у столба.

Седьмая не могла потеряться сама по себе. Телега не принимала решений. Значит, её удерживало решение человека.

— Мастерница Вежа.

Ярина подняла голову. Перед столом стояла женщина в коричневом переднике, та самая, что первой прибежала к воротам. Теперь Ярина вспомнила её имя — Лада Бранова, жена углежога. Пропавший артельщик приходился мужем их дочери.

— Моего зятя нет в телегах, — сказала Лада.

— Людей нет ни в одной.

— Я вижу. Но его сумка здесь. Если сумка вышла, а он нет, это лучше или хуже?

Ярина могла бы ответить цеховой формулой: принадлежность вещи не доказывает близость владельца к выходу. Формула была верной и бесполезной.

— Мы пока не знаем, — сказала она. — Сумку не уносите. Покажите писарю и назовите, где нашли.

— Когда пойдёте за ними?

— После осмотра карт.

— Сегодня?

— Я постараюсь.

Лада прищурилась.

— Это не ответ.

— Сегодня я узнаю, можно ли войти, не добавив к двадцати одному пропавшему ещё людей.

Женщина сжала губы, но кивнула. Она понимала лес достаточно, чтобы не требовать красивой лжи.

У ворот появился Кир. Он не бежал, хотя наверняка услышал колокол и пришёл быстро. Шёл обычным широким шагом, держа под мышкой сложенный холщовый мешок. На нём был домашний жилет без двух пуговиц, волосы торчали после ветра. Среди перепуганных родственников он выглядел почти равнодушным, и только Ярина заметила, как брат пересчитал телеги, не поворачивая головы.

— Шесть, — сказал он, подойдя.

— Было семь.

— Поэтому я и пришёл.

— Ты пришёл потому, что звонили на башне.

— На башне звонят часто. Но только после пустого обоза ты забываешь взять еду.

Он положил мешок на книгу. Внутри оказались хлеб, сыр, две луковицы и маленький глиняный кувшин с водой.

— Я не забывала.

— Тогда это мой обед.

— Ты уже ел.

— Видишь, как удобно жить с человеком, который решает за всех. Даже думать не приходится.

Кир сказал это привычно, почти весело. Ярина отломала хлеб, чтобы не продолжать спор. Она действительно знала, что брат ел: по четвергам он с утра ходил на рынок, возвращался до десятого удара и ставил кашу отцу. Так было последние пять лет. Если бы Ярина не пришла ночевать, дом всё равно проснулся бы, поел, купил масло и заплатил водоносу. Но деньги приносила в основном она, и поэтому в её голове семейная жизнь упорно складывалась так, будто без неё остановится.

— Отец слышал колокол? — спросила она.

— Весь город слышал.

— Я спрашиваю, не взволновался ли он.

— Спросила бы сразу. Нет, не взволновался. Сказал, что пустые телеги легче вытаскивать из леса, чем полные.

Это было похоже на отца. После того как повреждённая спина приковала его к креслу, он научился встречать дурные вести так, словно заранее нашёл в них криво сделанный шов.

Кир взглянул на входную книгу.

— Рута?

— В списке.

— Я видел её бирку на упряжи.

— Где?

— Лют принёс лошадей к конюшне. Я помогал ставить. Серая всё тянулась обратно к воротам.

— Не подпускай её к кромке.

— Уже не подпускаю.

Ярина хотела спросить, кто ему разрешил распоряжаться цеховой лошастью, и вовремя прикусила язык. Кир не нуждался в её разрешении, чтобы удержать испуганное животное.

— Ты поэтому без пуговиц? — спросила она.

Он посмотрел на жилет.

— Одна осталась у серой в зубах. Вторую Олесь оторвал месяц назад и обещал пришить.

— Я вечером пришью.

— Конечно.

— Что значит «конечно»?

— То и значит. Ты вечером вернёшь двадцать одного человека, починишь жилет и, если останется время, переставишь дом на другую улицу, где крыша меньше течёт.

Ярина отложила хлеб.

— Не начинай.

— Я принёс еду, а не семейную ссору. Но дома тебя ждёт счёт.

— Какой?

— Цеховой. Я не понял одну строку.

— Ты не понял счёт?

Кир вёл домашние записи лучше любого цехового казначея. Он помнил цену овса за прошлую осень, знал, кто из соседей дважды заплатил за чистку колодца, и однажды нашёл ошибку в городском налоге на дымовые трубы, потому что чиновник посчитал печную трубу мастерской и кухонную за две разные постройки.

— Вот и мне стало любопытно, — сказал он. — Придёшь — покажу.

У ворот зашумели. По улице двигалась цеховая стража, освобождая проход. Между серых плащей шёл Демьян Рез.

Старшему цеха было далеко за пятьдесят, но он держался прямо, как мерная рейка. Его чёрный кафтан не намок и не запылится, хотя над городом наконец начинал срываться дождь. На груди висела серебряная печать рассечённого круга — тот же знак Ярина видела на воске красного футляра.

Мирон шёл за ним и нёс футляр обеими руками.

Люди расступались. Не из любви к Демьяну и не из страха. В Вереске старший картограф отвечал за дороги, по которым приходил хлеб, уходили дрова и возвращались пропавшие. Можно было ненавидеть человека, но трудно толкнуть того, от чьей подписи зависит тропа домой.

Демьян остановился у караульного стола.

— Мастерца Вежа, — произнёс он. — Что известно?

— Вошли двадцать один человек, семь телег и двадцать четыре лошади. Вернулись шесть телег и восемнадцать лошадей. Людей нет. На вещах нет крови, на лошадях нет ран, кроме потёртостей от упряжи. Срок возвращения не наступил.

— Почему пустой выход признали бедствием до осмотра следов?

— Потому что телеги не могли пересечь медный столб без названного возвращения. Кто-то провёл их до границы или заставил лес считать груз людьми.

Взгляд Демьяна на мгновение остановился на ней. Одобрение у него выглядело как пауза перед следующим вопросом.

— Карты?

— Входной лист у меня. Красный футляр нашёлся в телеге Руты.

Мирон поставил футляр на стол.

— Печать цела, — сказал Демьян.

— В этом и странность. Спасательный лист не мог быть составлен до пропажи.

— Если внутри спасательный лист.

— Красные футляры для другого не используют.

— Обычно не используют.

Демьян повернул серебряную печать на груди, приложил к воску и тихо назвал своё полное имя. Чёрный круг разошёлся по рассечённой линии. Крышка щёлкнула.

Родственники артельщиков придвинулись ближе. Стражники сомкнули плечи, но Демьян поднял ладонь.

— Пусть видят, что мы нашли, — сказал он.

Из футляра он достал лист, свёрнутый рисунком наружу. Бумага была белой и совершенно чистой.

Ни линии. Ни имени. Ни единой отметки.

По толпе прошёл разочарованный стон.

Ярина протянула руку.

— Можно?

Демьян отдал лист. Бумага была холоднее дождя. Ярина поднесла её к свету. В волокнах не видно следов смытых чернил. Края не обрезаны, водяной знак принадлежал цеховой бумажне. Чистый лист в красном футляре — бессмысленная вещь, если только его не собирались заполнить внутри леса.

— Рута умеет чертить? — спросил Кир.

Демьян впервые посмотрел на него.

— Кто вы?

— Кир Вежа.

— Я знаю ваше имя. Я спрашиваю, почему вы участвуете в цеховом осмотре.

— Принёс сестре обед.

— Тогда проследите, чтобы она его съела.

Кир улыбнулся без веселья.

— Значит, не умеет.

Ярина ответила раньше, чем Демьян успел отослать брата:

— Рута знает дорожные знаки, но не может связать будущую землю. По крайней мере, в цехе не училась.

— Чистый лист мог быть запасом, — сказал Демьян. — Футляр защищает бумагу лучше серого.

— И для запаса вы поставили личную печать?

Вокруг стало тихо. Даже Кир перестал улыбаться.

Демьян не повысил голоса.

— Вы обвиняете меня в чём-то, мастерица Вежа?

— Я спрашиваю, когда вы запечатали футляр.

— За день до выхода артели.

Ответ прозвучал сразу.

— Зачем?

— Рута просила защищённый лист. Сказала, что северо-западные чаши изменились после летней грозы. Я отказал ей в готовой карте, поскольку сведений было недостаточно, но дал бумагу для дорожных отметок.

— В красном футляре.

— Другого свободного не было.

Ярина провела пальцем по листу. Объяснение складывалось, но слишком легко. В цеховом складе хранилось не меньше дюжины серых футляров. Она сама сдавала два после весенней съёмки.

— Где седьмая телега? — спросила Лада Бранова из-за спин стражников.

Демьян повернулся к ней.

— В лесу.

— А люди?

— В лесу.

— Живы?

— Пока у нас нет доказательств обратного.

— Это ответ старшего цеха?

— Это единственный честный ответ.

Лада прижала ладонь ко рту. Рядом её обняла незнакомая Ярине девушка.

Демьян снова обратился к Ярине:

— Закончите опись и приходите в цех. Возьмите входной лист, пустой лист и все найденные путевые вещи. До второго вечернего удара мне нужна первичная карта поиска.

— Для первичной карты нужно пройти их входной дорогой хотя бы до первой стоянки.

— Пройдёте завтра.

— До завтра след изменится.

— Сегодня вы уже связали будущую поляну.

Ярина почувствовала, как пальцы сами сжались на краю стола.

— Откуда вы знаете?

— Мирон доложил.

Ходок отвёл взгляд. Он должен был доложить старшему обо всём, что случилось на проверке. И всё же Ярине не понравилось, что Демьян назвал именно связь поляны, словно одно чудо на день было пределом, о котором она сама забыла.

— Я могу войти сегодня, — сказала она.

— Нет.

— Это приказ?

— Это знание вашего ремесла. Связанный лист вытягивает силу из внимания мастера. Если вы сегодня начнёте второй, получите ложную дорогу.

Он говорил для толпы. Ярина знала правило и знала исключения. После малой карты опытный мастер мог осмотреть старый путь без нового связывания. Но спор у ворот превратил бы ремесленную меру в представление.

— До второго удара, — повторил Демьян. — После этого я выдам вам поручение на поиск артели.

Он забрал пустой лист, свернул и вложил в красный футляр. На этот раз не запечатал.

Дождь усилился. Крупные капли застучали по крыше караулки и бортам телег. Чернильные записи пришлось накрыть рогожей. Родственников попросили перейти в складское помещение, где писарь по одному принимал сведения о вещах. Демьян ушёл в окружении стражи. Мирон задержался.

— Я обязан был сказать про поляну, — произнёс он.

— Я знаю.

— Про руку не сказал.

Кир посмотрел на сестру.

— Что с рукой?

— Ничего.

— Мирон только что сообщил, что не сказал про это старшему цеха. Очень убедительное ничего.

Ярина собрала листы.

— Дома.

— Конечно, — отозвался Кир.

Вереск строили люди, которым надоело каждую весну отступать от леса. Поэтому город не расплзался, а стоял плотно: дома прижимались друг к другу каменными боками, дворы прятались за высокими воротами, улицы поворачивали под прямым углом, будто были начерчены линейкой. От северной стены к площади шла улица Кромочников. Здесь жили проводники, смолокуры, изготовители бумаги и семьи тех, кто не хотел тратить полчаса на дорогу к лесу.

Дом Вежей стоял в конце узкого переулочка, у старой водосборной башни. Когда-то отец устроил на первом этаже кузницу, но после травмы горн погасили. Теперь в бывшей мастерской Олесь строгал доски, чинил мебель и делал ящики для цеховых приборов. Над дверью висела вырезанная им дощечка: ладонь, держащая угольник.

Ярина терпеть её не могла.

— Почему ладонь без большого пальца? — спросила она в сотый раз, входя.

— Потому что большой палец ушёл кормить семью, — отозвался Олесь из глубины мастерской.

Он стоял у верстака, прижимая рубанком длинную рейку. Высокий, светловолосый, с опилками на плечах, младший брат больше походил на отца до травмы, чем Кир и Ярина вместе. Рядом лежали четыре готовые рамки для карт. Значит, пока Ярина спасала город, Олесь выполнял заказ того же цеха, который платил ей жалованье.

— Смешно, — сказала она.

- Мне тоже нравится.
- У ворот пустой обоз.
- Рубанок остановился.
- Я слышал шесть ударов.
- Телег шесть. Людей нет. Седьмая телега осталась внутри.
- Олесь положил инструмент.
- Ты пойдёшь?
- Завтра.
- Кто ещё?
- Поручение выдадут вечером.
- Значит, пока не знаешь.
- Значит, пока не твоё дело.

Он посмотрел на неё тем долгим взглядом, который в детстве предшествовал хлопнувшей двери. Но Олесю было двадцать семь, и дверьми он больше не хлопал.

- Тогда и моя работа не твоё дело, — сказал он и снова взял рубанок.

Ярина сняла мокрый плащ.

- Тебе нельзя портить кисть перед сдачей рам.
- С чего ты решила, что я её испорчу?
- Ты давишь на рубанок плечом. Значит, рука устала.
- Или сучок твёрдый.

Кир прошёл между ними, повесил свой жилет на деревянный гвоздь и показал сестре отсутствующие пуговицы.

- Не отвлекайся. Ты обещала спасти ещё и его.

Из жилой комнаты донёсся голос отца:

- Если жилет не переживёт вечер, похороните без меня.

Ярина невольно улыбнулась. Дом пах стружкой, кашей и старым железом. На кухонной печи кипел горшок. Возле лестницы стояли аккуратно вымытые сапоги отца. На спинке его кресла Кир развесил для просушки шерстяные носки. Ни один предмет не подтверждал Яринину тайную уверенность, что только она удерживает этот дом от распада.

И всё же на столе лежали счета, а рядом — мешочек с её жалованьем.

Кир сел, раскрыл большую домашнюю книгу и подвинул её сестре.

— Смотри. Обычные расходы: мука, масло, налог на крышу, лекарства отцу, уголь, две медные скобы Олесю. Цех перечислил твоё жалованье и плату за три карты. Всё сходится до этого места.

Он показал строку, вписанную мелким чужим почерком между жалованьем и удержанием за бумагу.

Семейный спасательный запас. Один год. Учтено ранее.

Денежной суммы рядом не было.

- Что это? — спросил Кир.

Ярина прочитала ещё раз.

- Не знаю.
- Поэтому я позвал тебя. «Один год» — не монета и не мера бумаги.
- Может, срок льготы.
- Тогда была бы дата. И почему спасательный запас семейный?

Олесь подошёл к столу, вытирая руки о фартук.

- Покажи.

Ярина закрыла книгу ладонью.

- Сначала вымой руки. Страницы засалишь.

Олесь молча перевернул её ладонь. На пальцах Ярины темнели зелёные чернила, а на ребре — размазанный мел от караульного стола.

— Хорошо, старшая, — сказал он. — Кто из нас пачкает книгу?

Она отдёрнула руку.

— Это цеховая отметка. Завтра спрошу у казначея.

— Сегодня, — сказал Кир.

— У меня поручение.

— Именно поэтому сегодня. Если «спасательный запас» имеет отношение к пустым телегам, ты должна знать до входа в лес.

Ярина собиралась возразить и не нашла разумных слов. Вместо них в памяти возник красный футляр с чистым листом. Его подготовили за день до выхода артели. В семейной книге уже учли какой-то год. Пустые телеги вернулись раньше срока.

Отец въехал на колёсном кресле из соседней комнаты. Когда-то Тихон Вежа был широк в плечах и поднимал кузнечный молот одной рукой. Теперь ноги лежали на деревянной подножке, левая кисть плохо сгибалась, но взгляд оставался цепким.

— Дайте сюда, — сказал он.

Кир развернул книгу. Отец прочитал строку, и угол его рта дёрнулся.

— Ты знаешь, что это? — спросила Ярина.

— Знаю, что старые счета не всплывают сами.

— Какой старый счёт?

— Не сегодня.

— Сегодня из леса вышли пустые телеги.

— Поэтому тем более не сегодня. Ты начнёшь складывать две щепки и решишь, что построила мост.

Ярина упёрлась ладонями в стол.

— Отец, если эта запись связана со спасательными картами, я должна знать.

— Должна. Но не от моего полуслова.

— А от кого?

— От Демьяна. Запись сделал его цех.

— Я тоже его цех.

— Вот это и спроси у него: почему ты работаешь там двадцать лет, а семейный счёт видишь впервые.

В комнате стало слышно, как дождь течёт по желобу. Олесь медленно опустился на скамью. Кир не сводил глаз с отца.

— Ты отдавал цеху год? — спросил он.

Тихон посмотрел на среднего сына.

— Я сказал: не от моего полуслова.

— Это не отрицание.

— А ты не городской дознаватель.

Ярина закрыла книгу.

— Я возьму её с собой.

— Нет, — сказал Кир.

Она решила, что ослышалась.

— Что?

— Это домашняя книга. Ты покажешь Демьяну выписку, а не отдашь единственный счёт за пять лет. Я уже переписал строку, страницу, дату и соседние записи. Подпишемся все трое.

— Мне некогда ждать.

Кир достал из ящика готовый лист.

— Поэтому я сделал заранее.

Под строками стояли подписи Кира и Олеся. Для Ярины оставили место.

Она посмотрела на братьев. Они не мешали ей работать. Они подготовили то, что она сама в спешке понесла бы как есть и могла потерять, испортить дождём или оставить в цехе. Разумный поступок. Полезный. Взрослый.

Но первое чувство всё равно было раздражением: решили без неё.

Ярина узнала это чувство и устыдилась раньше, чем оно превратилось в слова. Взяла перо, подписала выписку.

— К ужину не ждите.

— Мы никогда не ждём, — сказал Олесь. — Просто оставляем тебе еду.

— Это и называется ждать.

— Нет. Ждать — сидеть голодными у двери. А мы едим вовремя.

Кир оторвал две пуговицы от старой рубахи, положил рядом с жилетом и нитками.

— Если вернёшься раньше, спасёшь его. Если нет, я сам пришью.

— Криво.

— Зато без жертв.

В цех Ярина пришла за четверть часа до второго вечернего удара. Дождь уже лил стеной. В приёмной сушили плащи мастеров, по коридорам носили входные книги, образцы почвы, найденные вещи. Пропажа артели превратила обычный рабочий день в осаду.

Демьян ждал в чертёжной комнате. Красный футляр лежал у него на столе. Рядом стояли три пустых пузырька для чернил и список людей.

— Закройте дверь, — сказал он.

Ярина закрыла.

— Первичная карта готова?

— Нет. Без осмотра первой стоянки она будет выдумкой.

— Хорошо.

Она ожидала упрёка и потому не сразу поняла ответ.

— Хорошо?

— Я проверял, станете ли вы чертить ради срока то, чего не видели.

— Вы могли спросить прямо.

— На прямой вопрос люди отвечают о себе то, что хотят услышать.

— А ловушка даёт вам право им верить?

— Ловушка даёт мне сведения.

Демьян подвинул к ней список. Двадцать одно имя из входной книги. Напротив каждого — профессия и ближайший родственник в Вереске. У Руты графа родственников оставалась пустой.

— Завтра на рассвете вы входите по следу артели, — сказал он. — С вами Мирон Лещ, двое цеховых ходоков и лекарь. До первой стоянки идёте без связывания. Если обнаружите разрыв дороги, возвращаетесь. Никаких спасательных листов внутри.

— Почему?

— Потому что мы ещё не знаем цену.

— Цена требуется только при возвращении человека.

— Именно. Вы можете найти двадцать одного сразу. Или одного. Или никого. Пока не установлено число возвращаемых и состояние дороги, называть плательщика рано.

Слово прозвучало буднично. Плательщик. Не деньги, не бумага, не рабочий день.

Ярина достала выписку из семейной книги и положила поверх списка.

— Что такое семейный спасательный запас?

Демьян прочитал строку. Его лицо не изменилось, но он слишком аккуратно выровнял лист по краю стола.

— Старая форма учёта.

- Учёта чего?
- Обязательств мастерской перед цехом.
- Почему обязательство измерено годом?
- Потому что время — единственная мера, одинаковая для бедного и богатого.
- У бедного и богатого год отнимается одинаково, но остаётся разное, — сказала Ярина.
- Не отвечайте пословицей. Что записано на наш дом?

Демьян сцепил пальцы.

— Ваш отец однажды согласился оплатить спасательную карту ремесленной памятью. За окном ударил колокол. Второй вечерний удар раскатился над крышей и затих.

— Кого спасали? — спросила Ярина.

— Это не относится к завтрашнему поиску.

— Относится, если цех считает тот год запасом.

— Считает учтённым ранее. Читайте точно.

— Значит, долг погашен?

— Запись закрыта.

— Почему она появилась в нынешнем счёте?

— Казначей переносит старые книги в новый порядок. Вероятно, строка попала по ошибке.

Слишком много удобных вещей происходило по ошибке: свободным оказался только красный футляр, старую запись перенесли именно в день пустого обоза, Демьян не заметил, что на чистом листе стоит его печать.

— Чей год отдал отец?

— Свой.

— Какое умение?

— Спросите у него.

— Он велел спросить у вас.

Впервые Демьян отвёл взгляд. Всего на мгновение — к шкафу, где хранились закрытые карты. Потом встал и снял с крюка медный знак поручения.

— Завтра ваша задача — найти артель, не выводя людей. Сначала сведения, потом решение. Ваша семья не назначена плательщиком. Ни один спасательный лист не будет связан без моего приказа.

— Это обещание?

— Это порядок.

Он протянул знак. Ярина не взяла.

— Скажите прямо: память моей семьи не будет использована без согласия.

Демьян держал знак между ними.

— Я сказал достаточно.

— Для приказа — да. Для доверия — нет.

— Доверие не выводит людей из Дальнего Круга.

— А карта без него выводит?

Старший цеха медленно положил знак на стол.

— Поэтому я посылаю вас, мастерица Вежа. Вы всё ещё задаёте этот вопрос.

Ярина взяла медный знак. На одной стороне был рассечённый круг, на другой — число двадцать один.

— И ещё, — сказал Демьян. — Сегодня у будущей поляны вы дважды теряли движение руки.

Холод, оставшийся после провала памяти, вернулся.

— Мирон сказал, что не докладывал.

— Он не докладывал. Лес отметил сбой на вашей карте.

— Как?

— Три зелёных луча в кляксе. Один путь принят, один отвергнут, один взят в счёт.

— В какой счёт?

Демьян посмотрел на выписку из домашней книги.

— Это вы и выясните, когда найдёте артель.

Ярина сжала знак поручения так сильно, что число двадцать один отпечталось на ладони.

Глава 3. Люди без следов

На рассвете дождь кончился, но Дальний Круг продолжал стряхивать воду с ветвей, будто не признавал перемены погоды.

У медного столба собрались пятеро. Мирон Лещ проверял ремни на сапогах. Двое цеховых ходоков, Сава Глин и Нежата Край, распределяли между собой верёвку, топор и сигнальные пластины. Лекарь Аглая Дымница укладывала в заплечную корзину бинты, согревающую мазь и плоские фляги. Ярина принесла серую копию входного листа, медный знак с числом двадцать один и ни капли зелёных чернил.

Демьян явился последним.

— До первой стоянки, — сказал он. — Увидите следы разделения — не выбираете ни одну ветвь. Увидите человека — не обещаете вывести. Найдёте карту — не разворачиваете внутри леса.

— Почему? — спросила Ярина.

— Потому что вы не знаете, что на ней связано.

— Тогда как понять, что нашли нужное?

— Принесёте сюда.

Он говорил со всеми, но смотрел только на неё. На левой руке Ярина носила плотную перчатку, хотя утро было тёплым. Так она могла проверять пальцы, не привлекая внимания: сжать кулак, коснуться большим каждого сустава, представить рейсфедер. Движения слушались.

Первым отвечал у столба Мирон.

— Иду по входной дороге живичной артели до первой стоянки. Вернусь с четырьмя спутниками. Если дорога изменится, назову изменение и остановлюсь.

Сава и Нежата повторили почти то же. Аглая сказала, что идёт к возможным раненым и при изменении дороги будет ждать картографа.

Ярина положила ладонь на холодную медь.

— Иду считать следы двадцати одного человека и семи телег. Вернусь со всей поисковой группой. Если дорога изменится, никто не назовёт новый путь, пока я не сверю старый.

Доска не потеплела.

Мирон нахмурился.

— Не приняла.

— Потому что ты решаешь за нас, — сказала Аглая.

Ярина убрала ладонь.

— Мы заранее договорились молчать на развилке.

— Договорились остановиться, — возразила лекарь. — Я не обещала ждать твоего решения говорить.

За спиной тихо вздохнул Демьян. Ярина почувствовала раздражение. Не на Аглаю — на доску, лес и всех, кто превращал разумную предосторожность в спор о словах.

Потом вспомнила готовую выписку Кира, рубанок Олеся и собственное первое желание закрыть домашнюю книгу ладонью.

Она снова коснулась меди.

— Если дорога изменится, я остановлюсь, выслушаю спутников и не поведу их по пути, которого они не выбирали.

Столб потеплел.

Аглая кивнула, словно получила нужное лекарство, и первой шагнула к берёзам.

Входная дорога артели начиналась широко. На влажной земле сохранились две глубокие колеи, отпечатки копыт и сапог. Ярина насчитала двадцать один различимый след только у

первых деревьев: Рута шла впереди в узких сапогах с косым гвоздём на левом каблуке; Савел Круш часто наступал пяткой наружу; один из молодых сборщиков носил подмётку, перевязанную бечёвкой. Люди вошли спокойно. Никто не бежал и не сходил с дороги.

— А обратно? — спросила Аглая.

— Телеги вышли здесь же.

— Я вижу колеи. Где следы тех, кто их вёл?

Ярина опустилась на колено. Выходные колеи резали входные и были свежее. Вода заполнила их ночью, края осыпались. Между колёсами отпечатались копыта, но человеческих следов не было.

— Может, ехали на облучках, — предположил Сава.

— На шести телегах? — спросил Мирон. — И прыгнули до столба так, что никто не вышел?

Нежата прошёл вдоль колеи, остановился и показал на грязь.

— Здесь повод волочился. Борозда длинная. Возницы не было.

— Лошади вышли сами, — сказала Аглая.

— Лошадь может найти дом, — ответила Ярина. — Но медный столб не считает её решение человеческим. Кто-то назвал возвращение за них.

Она записала отсутствие следов на полях серой карты. Простые чернила легли ровно. Пальцы не подвели.

Поисковая группа двинулась вдоль колеи. Лес после дождя пах грибами, мокрой шерстью и смолой. На ветках висели капли величиной с бусины. Иногда впереди мерещился скрип телеги, но звук каждый раз оказывался трением двух сосен.

Через полверсты дорога сузилась. Шесть выходных колеи наложились друг на друга так точно, словно телеги шли не одна за другой, а занимали одно место. Копыта тоже слились в восемнадцать глубоких вмятин, повторявшихся через равные промежутки.

— Так не бывает, — сказал Сава.

— Здесь бывает, — ответил Мирон. — Вопрос — зачем.

Ярина измерила расстояние между вмятинами. Каждая следующая лежала на четыре локтя дальше, без поправки на рост лошадей, неровность земли и поворот. Лес не воспроизводил реальный выход. Он отпечатал знак выхода: шесть телег, восемнадцать лошадей, ни одного человека.

— Он сообщает число, — сказала она.

— Кому? — спросила Аглая.

— Тому, кто пойдёт следом.

— Значит, нас ждали.

После этих слов дорога раздвоилась.

Это произошло без шума. Между двумя соснами просто открылся проход, которого мгновение назад не было. Левая колея продолжала идти на северо-запад. Правая повернула на запад, и в её грязи появились те же правильные отпечатки копыт.

Мирон поднял руку. Все остановились.

— Что изменилось? — спросил он.

— Аглая сказала, что нас ждали, — ответила Нежата.

— Я не выбирала дорогу.

— Но назвала возможность, — сказала Ярина.

Она достала серый лист. На нём была только одна старая дорога. Правая ветвь не появилась. Обычная карта утверждала, что перед ними сплошной лес.

Сава осторожно бросил на новый проход шишку. Та упала в грязь и осталась лежать.

— Настоящий, — сказал он.

— Пока мы считаем его настоящим, — поправил Мирон.

Ярина изучала края развилки. Слева на коре рос зелёный лишайник, справа — серый. На входном листе возле этого места Рута сделала отметку о зелёном лишайнике. Значит, артель шла налево. Правая ветвь возникла сейчас из произнесённой возможности: если их ждали, мог существовать путь к ожидающему.

— Не идём никуда, — сказала Ярина. — Сначала каждый говорит, что видит, без решений.

— Слева старая колея, — произнёс Мирон.

— Справа новая, — сказал Сава.

— На правой нет дождевой воды, хотя грязь мокрая, — заметила Нежата.

— Справа пахнет дымом, — сказала Аглая.

Все посмотрели на Ярину.

— На карте только левая. Входные отметки подтверждают левую. Правая появилась после слов об ожидании.

— А если там раненый? — спросила Аглая.

Правый проход стал шире.

— Не спрашивай так, — сказал Сава.

— Как? Я лекарь. Если там человек, я обязана...

Не договорив, Аглая шагнула вправо.

Мирон успел схватить её за ремень корзины. Земля под первым шагом провалилась. Вместо дороги открылся узкий чёрный овраг, прикрытый переплетёнными корнями. Из глубины пахнуло холодной золой.

Аглая отшатнулась.

— Я видела грязь.

— Ты видела дорогу к возможному раненому, — сказала Ярина. — Но не знала, может ли он там быть.

— Дорога появилась до моего вопроса.

— Тогда она вела к тому, кто нас ждёт. После вопроса стала дорогой к раненому. Лес достроил твоё решение быстрее, чем ты проверила основание.

Аглая побледнела, но не спорила.

Правая ветвь закрылась. Корни оврага срослись, молодые ели снова встали стеной. На земле осталась шишка Савы. Она лежала поверх мха, совершенно сухая.

— Идём налево, — сказал Нежата.

Левая колея тут же потемнела и стала уходить вниз.

— Стой, — одновременно сказали Ярина и Мирон.

Нежата закрыл рот ладонью.

— Решение уже названо, — сказал Мирон.

— Но не принято всеми, — ответила Ярина.

— А должно?

Она вспомнила медный столб. Карта будущей земли держалась на реальных возможностях участников, но здесь у них не было связанного листа, который задавал бы общее условие. Каждая фраза могла становиться отдельной дорогой для того, кто её произнёс.

— Нежата, почему налево?

— Потому что там входной след.

— Ты готов идти один, если остальные не согласятся?

— Нет.

Колея перестала темнеть.

— Тогда скажи это.

— Я не пойду один. Предлагаю левую дорогу, потому что её видела Рута, но пойду только с группой.

Мирон повторил согласие. Сава — следом. Аглая посмотрела на исчезнувший овраг и сказала, что согласна с левой дорогой до первого нового признака. Ярина согласилась последней.

Левая колея выровнялась.

Дальше они говорили только по очереди. Мирон называл остановку. Каждый описывал увиденное. Решение произносили с условиями и только после общего согласия. Это замедляло путь, зато лес перестал подбрасывать готовые тропы на каждую случайную мысль.

Через час они нашли место первого привала.

На поляне стояли семь кругов примятой травы от телег. В середине чернело кострище, возле сосен лежали щепки от ремонта оси. Артель провела здесь несколько часов. Ярина сверила всё с входными записями: Рута отмечала сломанную скобу на четвёртой телеге и задержку до полудня.

— Двадцать один вошёл, — сказал Сава, изучая край поляны. — Здесь тоже двадцать один.

Следы сапог сохранились под навесом еловых ветвей. Люди ходили за водой, собирали хворост, поднимали телегу. Аглая нашла окровавленную тряпицу, но кровь была старой и её оказалось мало.

— Порез ладони, — сказала она. — Не опасно.

Мирон стоял у северного выхода с верёвкой в руках.

— Сюда.

За поляной дорога продолжалась одной колеёй. В неё вошли следы семи телег, двадцати четырёх лошадей и двадцати одного человека. Ярина пересчитала отпечатки у мягкого края ручья, где каждому пришлось ступить отдельно.

Один. Два. Пять. Девять. Четырнадцать. Двадцать. Двадцать один.

Все направлялись в глубину.

Ни один не возвращался.

— Может, вышли другой стороной поляны, — сказал Нежата.

Они разделились попарно, оставаясь в пределах видимости, и обошли стоянку. Нашли только след Аглаи, собственные свежие отпечатки и старую звериную тропу. Человеческого выхода не было.

— Телеги вернулись этой дорогой, — сказала Ярина. — Но их выходных следов здесь нет.

— Значит, появились позже, — отозвался Мирон. — Между поляной и кромкой.

— Телеги не могли перескочить половину пути.

— Обычные не могли.

Аглая присела возле кострища и раздвинула угли ножом.

— Тут что-то есть.

Под золой лежала медная пластинка размером с ноготь. На ней процарапали семь коротких линий, затем одну длинную поперёк.

— Знак Руты? — спросила она.

Ярина взяла пластинку. Проводники использовали медь для срочных отметок: дерево лес мог зарастить, камень перевернуть, бумагу намочить. Семь черт означали телеги. Поперечная линия — смену порядка.

На обратной стороне было выцарапано одно слово.

Пусть.

— Пусть что? — спросил Сава.

— Продолжение должно быть на другой пластине.

Они просеяли золу, проверили щепки, осмотрели корни. Второй части не нашли.

Мирон показал на северный выход.

— Могла оставить дальше.

По приказу они должны были вернуться от первой стоянки. Ярина посмотрела на следы двадцати одного человека. Они вели дальше, свежие настолько, насколько лес позволял судить. Ещё сто шагов могли дать вторую пластинку. Ещё сто — превратить поиск в решение, которого группа не принимала.

— Мы дошли до границы поручения, — сказала она. — Предлагаю проверить только видимый участок до поворота, не переходя его.

Все согласились.

Они связались верёвкой и пошли вдоль колеи. До поворота было меньше пятидесяти шагов. Слева росли старые сосны, справа земля поднималась мшистым валом. На середине пути колея исчезла.

Не оборвалась и не заросла. Просто закончилась ровной чертой, будто кто-то приложил к земле линейку. Перед чертой имелись следы всех двадцати одного человека. За ней — гладкий мокрый мох.

Ярина опустилась на колени. Провела ладонью по границе. Мох был настоящим, холодным, с каплями после дождя. Под ним плотная земля. Ни ямы, ни скрытой тропы.

— Здесь их нет, — сказал Нежата.

Справа открылся узкий проход.

— Молчи, — прошептал Сава.

Слева появилась ещё одна тропа.

— Я не выбирал, — сказал Нежата.

Позади них хрустнула ветка. Дорога, по которой они пришли, разделилась на три.

Каждое произнесённое решение теперь становилось тропой. «Здесь их нет» создало пути к местам, где они могли быть. «Я не выбирал» добавило дорогу без выбранного направления. Даже приказ молчать оставил за спиной узкую тропку, по которой можно было уйти от разговора.

— Никто не говорит, — произнесла Ярина и сама услышала, как ошиблась.

Перед ней возник прямой светлый проход, такой тихий, что даже капли над ним висели неподвижно. Дорога молчания.

Она подняла руку, запрещая движение. Достала мел и на сером листе написала: возвращаемся по верёвке, не называя направления. Показала остальным.

Мирон кивнул. Затем Сава, Нежата, Аглая.

Они повернулись, держась за верёвку. Мирон шёл последним и сматывал её, чтобы не оставить лесу лишней линии. Три ложные дороги тянулись рядом, пересекались, предлагали сухой подъём, короткий спуск, знакомый просвет берёз. Никто не ступил на них.

На поляне лишние тропы исчезли. Ярина спрятала пластинку Руты в кожаный мешочек и ещё раз пересчитала отпечатки у ручья.

Двадцать один вошёл. Никто не вышел.

Шесть пустых телег начали возвращение там, где не было их следов.

У медного столба Демьян ждал один. Он увидел лица группы и не спросил, нашли ли людей.

— Карта солгала? — спросил он.

— Обычная карта показывает старую дорогу, — ответила Ярина. — Но после первой стоянки дорога строится из каждого произнесённого решения. У артели двадцать один входной след и ни одного обратного. Следы заканчиваются одной чертой. Телеги вышли из участка, в который не входили.

Она отдала ему медную пластинку.

Демьян прочитал слово «Пусть» и перевернул её.

— Где вторая половина?

— Не нашли.

— Тогда у нас не сообщение, а начало решения.
— Решения чего?
Он закрыл пластинку в ладони.
— Кого лес должен отпустить первым.
Ярина посмотрела на него.
— Вы уже видели такой знак.
— Я видел достаточно лесных уловов, чтобы не отвечать на незаконченные фразы.
— Но послали нас именно до первой стоянки. Вы знали, что она будет там.
— Я предполагал, что Рута оставит отметку.
— И знали, что дальше карта врёт.
Демьян протянул пластинку обратно.
— Теперь это знаете вы. До вечера составьте карту всех возможных решений на месте разрыва.
— Вы запретили связывать спасательный лист.
— Не спасательный. Поисковый.
— На нём всё равно придётся назвать поступки людей.
— Назовёте только свои.
Ярина не взяла пластинку.
— Мои уже взяты в счёт?
Демьян опустил руку.
— Если хотите найти двадцать одного человека, перестаньте задавать этот вопрос так, будто цена исчезнет от правильного ответа.
— Я хочу знать, кто имеет право её назначить.
— Лес.
— Лес требует цену. Имя пишет человек.
За столбом, на городской земле, Аглая тихо сказала:
— Вот это решение я готова повторить вслух.
Мирон встал рядом с ней. Затем Сава и Нежата.
Демьян посмотрел на пятерых вернувшихся и впервые за утро показался уставшим.
— До вечера, мастерица Вежа, — сказал он. — И не произносите над пустым листом ничего, чего не готовы сделать.
Ярина забрала медную пластинку. Слово Руты царапало большой палец.
Пусть.
Лес уже начал фразу. Теперь кто-то в Вереске должен был решить, чем её закончить.

Глава 4. Цена умения

К полудню поисковый лист был испорчен тремя дорогами, которых Ярина не собиралась чертить.

Первая возникла, когда Лют спросил, можно ли обойти ровную черту с востока. Тонкая зелёная жила сама выползла из-под рейсфедера, пересекла нарисованный ручей и упёрлась в край бумаги. Вторая появилась от слова «переждать». Она свернулась кольцом вокруг первой стоянки, будто двадцать один человек мог переждать разлив, двигаясь по кругу. Третью Ярина породила сама, назвав пустые телеги приманкой. На листе проступили шесть серых прямоугольников, а за ними — дорога к месту, которого не было ни на одной цеховой съёмке.

Ярина перечеркнула угол листа знаком брака и отложила его к двум предыдущим.

— Мы только разговаривали, — сказал Лют.

— Над связующей смесью разговор тоже поступок.

На дальнем столе остывал клей. В мастерской пахло уксусом, сажей и мокрой овечьей шерстью: поисковая группа развесила плащи у печи, но за два часа они так и не высохли. Мирон ушёл проверять северные ворота. Аглая вернулась в лечебницу. Сава и Нежата повели семьи артельщиков домой, пообещав позвать их, если появится настоящий путь, а не ещё одна догадка.

Ярина оставила при себе медную пластинку Руты. Незаконченное слово лежало справа от чистого листа.

Пусть.

Стоило посмотреть на царапины, и в голове сами выстраивались окончания. Пусть выйдет проводница. Пусть выйдут раненные. Пусть выйдет тот, кто знает дорогу. Каждое звучало разумно, пока Ярина не представляла оставшихся двадцать человек и руку, которая должна вписать чужое умение в платёжную строку.

— Новый лист, — сказала она.

Лют снял с полки плотную бумагу и положил перед ней шероховатой стороной вверх.

— Может, разделить работу? Я буду записывать только то, что уже видели. А вы — возможное.

— Возможное нельзя отделить от того, кто готов его сделать.

— Тогда я запишу свои действия. Готов принести верёвки. Готов остаться у столба. Готов...

— Не над листом.

Он хлопнул рот.

Ярина смягчила голос:

— Сначала напиши обычными чернилами. Прочитаем, проверим, только потом перенесём. Лес быстрее человека и не обязан давать время на исправление.

Лют перешёл к конторке. Ярина выбрала рейсфедер с широкими щёчками, проверила винт ногтем и зачерпнула связующую смесь. Рука слушалась. Металл лежал между пальцами привычно, нажим выходил ровным. Утренний страх отступил настолько, что два кратких сбоя показались следствием усталости.

Она нанесла кромку леса, медный столб, входную дорогу и первую стоянку. На месте ровного обрыва оставила белую полосу шириной в палец. По обе стороны начертила не пути, а вопросы: какие поступки Руты были возможны; кто из артели мог принять решение отдельно; могли ли телеги вернуться без возницы; что означала поперечная черта на пластинке.

Когда перо дошло до последней строки, за окном ударил колокол северных ворот.

Один раз.

Пауза.

Ещё два коротких удара.

Так звали лекаря к человеку, вышедшему из леса.

Лют уже хватал куртку.

— Лист накрой, — приказала Ярина. — Смесь не выливай. Никому не позволяй читать вопросы вслух.

— А вы?

— Я к воротам.

На улице дождь кончился, но с крыш ещё текло. Ярина сбежала по каменным ступеням, едва не столкнула продавца корзин и свернула к северной стене. Жители Вереска выходили из лавок. Кто-то спрашивал про артель, и слово передавалось впереди неё быстрее бега: нашли, один вышел, живой, не из живичников, углежог.

У ворот собралась толпа. Стражники держали людей за меловой чертой, которой отмечали место для вернувшихся. На земле сидел мужчина в прожжённой кожаной безрукавке. Лицо и руки у него были чёрными от угольной пыли, волосы слиплись от дождя. Он дышал часто, но ран на нём Ярина не увидела.

Рядом на коленях стояла Аглая и считала пульс. Мирон придерживал мужчину за плечо.

— Кто? — спросила Ярина.

— Гнат Огневик, — ответил Мирон. — Из семерых, для которых ты вчера открывала поляну.

Ярина узнала его. Именно Гнат остался у ручья с общим мешком еды, когда остальные поспешили к сухому месту. Двое вернулись за ним, и их поступок связал новую дорогу. На рассвете все семеро должны были покинуть поляну по готовой карте.

— Остальные?

— За столбом никого.

Гнат поднял голову.

— Они идут. Я первый дошёл. Только скажите ей, чтоб не плакала.

— Кому?

— Нюре. Она шумная, когда боится.

За меловой чертой молодая женщина в коричневом платке прижимала ладони ко рту. Она и правда плакала беззвучно, всем лицом. Услышав имя, шагнула вперёд, но стражник удержал её.

— Это сестра, — сказал Мирон. — Ждала с утра.

Аглая провела пальцами перед глазами Гната, попросила следить за движением, затем велела назвать день, место и свой возраст. Он ответил правильно. Узнал сестру, Мирона и Ярину. Помнил, как вошёл в лес, как рубил жерди для навеса, как двое товарищей вернулись к нему у ручья.

— Почему вышел один? — спросила Ярина.

— Дорога разделилась у серого камня. Нам так и сказали: каждый идёт по своей полосе до столба, не сворачивает. Я шёл по средней. Остальные должны выйти рядом.

— Кто сказал?

— Карта.

— Карта не говорит.

— Эта сказала.

Гнат нахмурился, пытаясь вспомнить.

— Не голосом. Там было написано. Я прочёл и понял, что мне одному.

Ярина посмотрела на Мирона.

— На вчерашнем листе такого указания не было.

— Я нёс их копию до столба, — ответил тот. — Семь человек возвращаются одной группой. Двое поддерживают отставшего. Никаких отдельных полос.

— Футляр у него?

Мирон показал пустые руки.

— Ничего не принёс.

Гнат попытался встать.

— Я здоров. Пустите Ньюру.

— Сначала проверка, — сказала Аглая. — Походи до стены и обратно.

Он поднялся легко. Сделал три шага, остановился и посмотрел на собственные сапоги, словно впервые увидел их. Потом всё-таки дошёл до стены и вернулся.

— Голова кружится? — спросила Аглая.

— Нет.

— Тошнит?

— Нет.

— Что случилось?

Гнат потёр ладони о штаны.

— Ничего. Ноги ватные.

— После трёх дней в лесу это неудивительно.

— Мы были там одну ночь.

Ярина присела перед ним.

— Сегодня какой день?

Он снова ответил правильно, но теперь неуверенно. По его счёту между входом и выходом прошла ночь. На городской стороне миновали сутки с лишним.

— Покажи руки, — попросила Ярина.

Гнат протянул ладони. Подушечки пальцев были твёрдыми, ногти обломаны, на правом запястье белел старый ожог. Руки углежога, который не первый год строит курганы и следит, чтобы дерево тлело без огня.

— Представь, что перед тобой новая яма, — сказала она. — Семь шагов в длину, ветер с запада. Как уложишь поленья?

Он усмехнулся:

— Нашли когда спрашивать.

— Ответь.

— Как обычно.

— А как обычно?

Улыбка исчезла.

Гнат посмотрел на толпу, на сестру, снова на ладони.

— Сперва толстые вниз.

За меловой чертой кто-то охнул. Мирон тихо выругался.

— Почему нет? — спросил Гнат. — Разве не вниз?

— Назови части кургана, — сказала Ярина.

— Дрова. Земля. Дымник.

— Как откроешь тягу, если ветер сменится ночью?

— Подложу...

Он провёл руками в воздухе. Пальцы искали движение, которого не находили. Правой ладонью он попытался изобразить стенку, левой — заслонку, но обе застыли.

— Я знаю это, — сказал Гнат. — Погодите. Я тысячу раз делал.

Мирон поднял с земли сырую ветку и протянул ему.

— Покажи, где надрубишь, чтобы она легла в обвязку.

Гнат взял ветку, повернул одним концом, другим. Рука легла не там. Он перехватил её, посмотрел на Мирона с растущей злостью и бросил.

— Дайте топор, а не загадки.

— Топор пока не дадим, — ответила Аглая.

Гнат шагнул к ней.

— Я углежог с двенадцати лет.

— Поэтому и не дадим.

За чертой женщина в коричневом платке перестала плакать.

— Гнат, — позвала она. — Как папа учил нас закрывать угольницу перед первым снегом?

Он повернулся к ней с облегчением, будто сестра задала единственный честный вопрос.

— Ты сама знаешь, Нюра.

— Скажи.

— Папа ставил нас с двух сторон.

— А дальше?

— Ты подавала...

Он умолк.

— Что я подавала?

Гнат прижал кулак ко лбу.

— Не помню.

Анфиса Огневик переступила меловую черту. На этот раз стражник не успел её задержать. Она обняла брата, и он сначала стоял с опущенными руками, потом неловко положил ладонь ей на спину.

— Это от усталости, — сказал он в её платок. — Посплю и вспомню.

Ярина уже знала, что не вспомнит.

Телесное умение могло дать сбой от испуга. Забывались слова, порядок действий, лица учителей. Но здесь исчезло сразу всё, что превращало знание об угле в ремесло: взгляд на ветер, движение пальцев, способность представить жар внутри земляного холма. Остались отдельные названия и уверенность человека, который вчера умел.

— Когда ты учился строить угольницы? — спросила она.

Гнат отстранился от сестры.

— Всю жизнь.

— Какой год был главным?

— После смерти отца. Мне семнадцать исполнилось. Старый Мокей взял меня к себе на западные ямы. Я там...

Он замолчал.

— Что?

— Не знаю.

— Помнишь Мокея?

— Конечно. Рыжая борода, хромал на левую.

— Помнишь год у западных ям?

Гнат закрыл глаза. Толпа ждала вместе с ним.

— Весной похоронили отца, — медленно произнёс он. — Потом... следующая весна.

Мокей уже жил у нас. Нюра сшила мне новую безрукавку. А между ними пусто.

Он открыл глаза.

— Целый год пусто.

Аглая встала и обернулась к стражникам.

— Разведите людей. Ему нужен покой.

— Ему нужен свидетель цены, — сказал Демьян.

Старший цеха подошёл со стороны города. Никто не заметил, когда он появился. На нём был сухой плащ, под мышкой — узкий красный футляр, не тот, что нашли в телеге Руты: этот закрывала медная скоба вместо чёрной печати.

Толпа расступилась.

— Вы знали, — сказала Ярина.
— Я услышал колокол.
— Вы знали, что проверять.
— Это знает всякий мастер, который видел возврат по спасательному листу.
— Гнат шёл по обычной карте. Плательщика мы не называли.
Демьян посмотрел на углежога.
— Кто открыл тебе последнюю дорогу?
— Она сама открылась.
— Лист был у кого?
— У Лазаря. Потом у меня. Мы передавали.
— Где он теперь?
Гнат провёл ладонью по груди и поясу.
— Был здесь.
— Ты читал платёжную строку?
— Там не было никакой платы.
— Значит, не читал.
Ярина встала между Демьяном и Гнатом.
— Не превращайте ответ в вину. Он потерял год ремесла.
— Если бы цена была его, исчезнувший год совпал бы с умением, названным на листе.
— Совпал.
Демьян покачал головой.
— Лес не берёт у вернувшегося и у плательщика за один выход. Один получает дорогу.

Другой платит.

Ярина не сразу поняла смысл.
Гнат понял быстрее.
— Я не умею жечь уголь.
— Сейчас не умеешь.
— А заплатил кто-то другой?
Демьян не ответил.
Гнат схватил его за плащ.
— Кто?

Мирон перехватил руку углежога. Демьян не отступил, только посмотрел на смятый ворот.

— Найдём лист — узнаем запись.
— Вы принесли футляр, — сказала Ярина. — Значит, ожидали карту.
— Я принёс футляр, чтобы запечатать её, если она выйдет следом.

Анфиса вдруг отпустила брата.

Она смотрела на прореху у его плеча. Край безрукавки разошёлся по старому шву; наружу торчал комок серой шерсти.

— Нюра? — спросил Гнат.
Сестра коснулась прорехи указательным пальцем.
— Надо зашить.
— Потом.
— Сейчас. Тут два стежка.

Она сняла с пояса игольник. Вытащила иглу, попыталась вдеть нитку и не попала в ушко. Попробовала ещё раз. Нитка дрожала, расщеплялась на конце. Анфиса облизнула её, сощурилась и снова промахнулась.

— Дай, — сказал Гнат.
— Молчи.

Она повернулась к свету. Игла выпала из пальцев. Анфиса наклонилась, нашла её на мокром камне и укололась, когда поднимала.

На подушечке большого пальца выступила кровь.

— Что с тобой? — спросил брат.

— Замёрзла.

Но день был тёплый. Ярина видела, как Анфиса держит иглу: всей ладонью, почти как гвоздь. Так держал бы человек, который знает назначение вещи и ни разу не шил.

— Давно занимаешься шитьём? — спросила Ярина.

— Десять лет. У меня мастерская на Гончарной.

— Вдень нитку.

— Я вдену.

Анфиса взяла новую нить. На четвёртой попытке та вошла в ушко, но женщина не смогла завязать узел. Пальцы складывали конец не с той стороны, тянули слишком рано. Она рассердилась, обмотала нитку вокруг указательного пальца и затянула простую петлю.

— Зашей прореху, — сказала Ярина.

Анфиса проткнула кожу с лица. Игла прошла в шерсть, ушла в сторону и вышла в двух пальцах от края. Женщина дёрнула её обратно, оставив длинную царапину.

— Кожа мокрая, — прошептала она.

— Ты шила её сама, — сказал Гнат. — В тот год после отца. Только что напомнила.

— Я помню безрукавку.

— Тогда зашей.

Анфиса опустила руки.

Аглая осторожно забрала иглу.

— Расскажи, у кого училась.

— У тётки Златы. На Гончарной, рядом с печной лавкой.

— Сколько?

— Два года. Первый на подхвате, второй за станком.

— Что было в первый год?

Анфиса нахмурилась.

— Пришла к ней после отцовской смерти. Она велела распарывать старые рубахи, чтобы не портила новую ткань. Потом посадила за...

Она коснулась виска.

— За что?

— Я не помню.

— А второй год?

— Помню. Злата дала заказ на шесть рубах для лодочников. Я уже умела кроить, только боялась дорогого полотна.

— Откуда умела?

— Из первого года.

— Что делала в первом?

Анфиса смотрела на иглу в ладони Аглаи.

— Ничего.

Ответ прозвучал так тихо, что люди за меловой чертой подались вперёд.

— Целый год ничего, — повторила она. — После похорон пришла к Злате. Потом сразу шесть рубах. Между ними пусто.

Гнат отступил от сестры.

— Нет.

— Я помню тебя в западных ямах, — сказала Анфиса. — Приносила еду. Зашила эту безрукавку. Но не помню, как научилась держать иглу.

— Нет, — повторил он. — Ты не входила в лес.

— Не входила.

— Ты не соглашалась.

Анфиса посмотрела на Демьяна.

Старший цеха стоял неподвижно, но пальцы на красном футляре побелели.

Ярина вспомнила домашний счёт. «Семейный спасательный запас. Один год. Учтено ранее». Не имя. Не подпись. Не выбранное умение. Семья как сундук, из которого можно взять то, что понадобится дороге.

— На вчерашней карте были имена семерых? — спросила она.

— Были, — ответил Мирон. — Только тех, кто вошёл.

— Родственники?

— Нет.

— Тогда кто добавил Анфису?

Демьян повернул голову к лесу.

— Пока лист не найден, мы не знаем, добавил ли её человек.

— Лес сам выбрал сестру?

— Лес выбирает возможную цену из названного запаса.

— Какого запаса?

Он промолчал.

— Анфиса, — спросила Ярина, не отводя от него глаз, — в ваших домашних счетах есть строка о спасательном запасе?

Женщина вытерла кровь о юбку.

— Каждый год. За цеховую защиту Гната. Мы платим медью.

— Только медью?

— Так написано.

— Кто подписывает?

— Сначала мама. Потом я, когда дом перешёл мне.

— Ты давала согласие отдать год швейного учения?

— Нет.

— Разрешала Гнату назвать тебя плательщицей?

— Нет.

— Я её не называл! — крикнул Гнат.

Лес ответил далеко за стеной сухим треском, будто сломалась большая ветка.

Мирон велел закрыть ворота. Стражники потянули створки, оставив узкую щель для шести углежогов, которые всё ещё могли выйти по вчерашней дороге.

— Не произноси решений в сторону кромки, — сказал он Гнату. — Даже справедливых.

— А где мне их произносить? — Гнат показал на сестру. — Она десять лет кормила дом иглой. Теперь держит её как шило. Где мне сказать, что я не брал её год?

— Здесь, — ответила Ярина. — Перед людьми. И мы запишем это обычными чернилами.

Она попросила у стражника журнал ворот. На чистой странице написала дату, время и имя вернувшегося. Записала: Гнат Огневик утратил умение строить и вести угольницу, сохранив память о людях и событиях вокруг года учения. Анфиса Огневик, не входившая в лес, утратила память о первом годе обучения шитью и телесный навык, опиравшийся на тот год. Согласия не давала. Брат её плательщицей не называл.

— Свидетели, — сказала Ярина.

Аглая поставила имя первой. Затем Мирон. Стражник. Гнат вывел подпись слишком сильно, прорвав бумагу. Анфиса долго смотрела на перо.

— Я смогу подписаться, — сказала она.

Она взяла его привычно. Письмо не было шитьём. Буквы получились ровными.

Демьян не подошёл.

— Ваша подпись, — потребовала Ярина.

— Под чем?

— Под тем, что вы видели.

— Я видел два нарушения памяти. Причину установит цех.

— Вы только что объяснили цену.

— Объяснил известный закон. Не эту запись.

— Тогда подпишите известный закон: один получает дорогу, другой платит.

— Не в уличном журнале.

— Понятно.

Ярина вернула перо стражнику. Отказ она тоже записала, не добавив ни обвинения, ни догадки.

Из-за ворот донёсся голос. Створки раскрыли, и по дороге вышли остальные шесть углежогов. Они шли вместе, поддерживая самого старого под локти. У одного был вчерашний лист, свёрнутый рисунком наружу.

Гнат бросился к ним, но у самой черты остановился по окрику Мирона.

— Сначала имена! — потребовал ходок.

Каждый назвал. Все семеро были живы. На вопросы отвечали связно. Старый углежог передал карту Ярине.

Вчерашние линии остались на месте, однако от серого камня расходились семь полос. Шесть снова сходились перед столбом. Средняя, по которой вышел Гнат, пересекала тускло-красную строку у нижнего края.

Ярина развернула лист полностью.

Платёжная строка была написана её рукой.

Она узнала наклон букв, короткий хвост у «у», привычку соединять «м» со следующей гласной. Текст гласил: «За отдельный выход Гната Огневика — год первого учения Анфисы Огневик, швейное ремесло».

— Я этого не писала, — сказала Ярина.

Мирон наклонился к листу.

— Вчера строки не было.

— Почерк ваш, — заметил Демьян.

— Мой. Рука не моя.

Гнат попытался вырвать карту. Ярина подняла её выше.

— Не трогай. Это свидетельство.

— Там имя сестры.

— Поэтому и не трогай.

Анфиса подошла ближе. Она прочла строку один раз, затем второй.

— Почему отдельный выход? Мы все вышли.

Никто не ответил.

Ярина изучила оборот. Под слоем связующей смеси проступал цеховой водяной знак. Вчера она брала лист из своей пачки, без знака старшего. Значит, бумага тоже изменилась или была подменена после входа.

В нижнем углу виднелись три тонких луча.

Принят. Отвергнут. Взят в счёт.

Третий луч потемнел.

— Запечатайте лист, — сказала Ярина Мирону. — Не в футляр старшего. В воротный ящик, двумя печатями: вашей и Аглаи.

Демьян сделал шаг вперёд.

— Спасательные карты принадлежат цеху.

— Эта карта носит мой почерк и забрала чужой год без согласия. До разбора она останется у свидетелей.

— Вы не имеете права изымать цеховую работу.

— А вы имеете право изымать учение Анфисы?

Толпа загудела. Демьян оглядел людей и остановился. Ярина понимала: он отступил не перед доводом, а перед числом свидетелей.

Мирон принёс деревянный ящик для спорных дорожных знаков. Аглая вложила туда карту, не касаясь красной строки голой рукой. Две восковые печати легли на крышку.

— До вечернего разбора, — сказал Демьян. — Потом я заберу лист в цеховой архив.

— Если все свидетели согласятся, — ответила Ярина.

Он посмотрел на неё так, словно она только что испортила дорогу, по которой город ходил много лет.

Анфиса тем временем подобрала упавшую иглу. Повертела её и спрятала в игольник.

— Что теперь? — спросил Гнат.

— Теперь ты не пойдёшь к угольнице, пока не научишься заново, — сказала Аглая. — А Анфиса не возьмёт заказ с дорогой тканью. Начнёте с безопасной работы.

— У меня заказы на месяц.

— Я знаю, — сказал Гнат. — Я помогу.

Сестра резко повернулась к нему.

— Чем? Ты тоже не умеешь своего.

Он опустил глаза.

— Тогда буду носить, считать, договариваться.

— Считать умею я.

— Хорошо. Скажешь, что делать.

В его голосе не было прежней уверенности. Только готовность остаться рядом с задачей, которую он не мог решить за неё.

Ярина подумала о Кире, который вёл весь домовый счёт, пока она называла себя единственной кормилицей. Об Олесе, чьи заказы она всё ещё считала ненадёжным подспорьем. Она защищала их так усердно, что порой не замечала сделанного ими. Демьян называл похожую слепоту общим согласием семьи.

Но мысль была слишком удобной, чтобы сразу признать её справедливой. Ярина отложила её, как откладывала непроверенный путь.

— Возьми, — сказала Анфиса.

Она протянула ей игольник.

— Зачем?

— Чтобы на разборе никто не сказал, будто я всегда была неумёхой. Там мои иглы, мой напёрсток и кусок работы. Я вчера его дошивала.

Внутри лежал медный напёрсток, три иглы и лоскут тонкого синего сукна. Половина края была обшита крошечными одинаковыми стежками. Последние два путались, один стягивал ткань в складку.

Граница утраты проходила на виду.

— Я верну, — пообещала Ярина.

— Лучше верните умение.

— Память о взятом годе я вернуть не могу.

Анфиса побледнела, но не отвернулась.

— Тогда не врите, что можете.

— Не буду. Можно научиться снова. Это не то же самое, что вернуть отнятое.

— Сколько времени?

— Не знаю.

— Вот это запишите тоже.

Ярина добавила фразу в воротный журнал: последствия и срок повторного обучения неизвестны.

Когда углежогов повели на осмотр, Гнат и Анфиса ушли рядом, но не держались друг за друга. Между ними оставалось расстояние в полшага — достаточно близко для помощи и достаточно далеко, чтобы каждый шёл сам.

Демьян дождался, пока площадь опустеет.

— Вы сделали из несчастья обвинение, — сказал он.

— Нет. Я сделала запись.

— Толпа не различает их.

— Тогда вечером различим по пунктам. Кто подготовил бумагу с вашим знаком? Как на ней появился мой почерк? Почему карта выбрала женщину, которая не давала согласия? И что означает семейный запас?

— Вы получите ответы, когда закончите поисковый лист.

— Теперь это одно дело.

— Это два дела. В лесу двадцать один человек. Если вы задержите работу ради счётов, их цена будет выше одного швейного года.

— Значит, надо спешить и потому не спрашивать, чьи годы вы внесёте следующими?

— Надо понимать порядок бед. Сначала живые, потом виноватые.

— А Анфиса к какой части относится?

Демьян не ответил. Он повернулся к закрытым воротам, за которыми лес удерживал артель.

— До разлива меньше шести дней, — произнёс он. — К вечеру мне нужен лист.

— К вечеру вам будут нужны подписи тех, чьи умения вы хотите назвать.

— Тогда соберите их.

— Поимённо.

— Если успеете.

Он ушёл, оставив красный футляр под мышкой.

Ярина вернулась в мастерскую. Лют сидел у конторки и исписал четыре страницы обычными чернилами. Поисковый лист под сукном не изменился.

— Кто вышел? — спросил он.

— Все семеро углежогов. Один потерял ремесло. Его сестра, не входившая в лес, потеряла год учения шитью.

Лют медленно положил перо.

— Как сестра?

— Её имя появилось на карте моим почерком.

— Вы написали?

— Нет.

— Тогда кто?

Ярина сняла сукно с поискового листа. Белая полоса у обрыва следов стала шире. На её краю проступили едва заметные буквы, словно бумага запомнила разговор у ворот.

Пока можно было разобрать только начало.

«За первый...»

Ярина не коснулась строки.

— Закрой ставни, — сказала она. — Принеси журнал всех выданных листов за этот месяц. И позови Кира.

— Вашего брата?

— Он лучше меня читает семейные счета.

Лют побежал выполнять поручение.

Ярина осталась перед картой. Вчера она считала главной опасностью лес, который превращал слова в дороги. Теперь опаснее оказался лист, способный говорить её рукой.

На медной пластинке Руты всё ещё было одно слово.

Пусть.

Ярина перевернула её царапинами вниз. Ни лес, ни цех не должны были заканчивать эту фразу за тех, кому предстояло платить.

Глава 5. Старший цеха

Кир пришёл в мастерскую с домашним счётом под рубахой и корзиной хлеба в руке.

— Лют сказал, ты зовёшь меня как счётчика, — произнёс он вместо приветствия. — Поэтому хлеб взял как брат. Счётчик потребовал бы плату за срочность.

Ярина заперла дверь за ним.

— Сколько?

— Два медяка и право сказать «я предупреждал» один раз.

— Дорого.

— Тогда сначала поешь.

Он поставил корзину рядом с тремя испорченными листами и осмотрел мастерскую. Лют сидел у дальней стены с журналом выдачи карт. На конторке лежала медная пластинка Руты. Поисковый лист Ярина накрыла двумя слоями сукна и прижала углы гирями, но даже так ей казалось, что незаконченная строка под тканью продолжает расти.

Кир выслушал рассказ о Гнате и Анфисе без единого вопроса. Только после слов о почерке Ярины попросил показать домашний счёт.

— Я думала, он у тебя.

— Он и был у меня. Потом ты понесла его к Демьяну.

Ярина вспомнила, как вернулась из цеха, положила книгу на кухонный стол и почти сразу ушла к воротам. Кир забрал её оттуда.

Он раскрыл счёт на строке о семейном запасе. Бумага в этом месте была тоньше, чем на соседних страницах. Кир поднёс лист к окну.

— Видишь?

Ярина увидела две строки. Верхняя читалась ясно: «Семейный спасательный запас. Один год. Учтено ранее». Под ней, в самой толще бумаги, проходила другая запись, будто её не стёрли, а утопили в волокнах.

— Можешь разобрать?

— Последнее слово похоже на «мерный».

У Ярины похолодели пальцы.

— Мерный год.

— Что это?

— Год, когда ученик учится масштабу. Не рисовать линии, а соотносить их с землёй.

— Твой?

— В нашей семье больше нет картографов.

Кир повернул книгу под другим углом. Скрытая строка проявилась лучше: «...случае нужды... мерный год».

— Похоже не на старую оплату отца, — сказал он. — Похоже на обещание будущей.

— Демьян сказал, что запись закрыта.

— Он сказал или показал?

— Сказал.

Кир посмотрел на неё поверх страницы.

— Вот моё право сказать «я предупреждал».

— Ты предупреждал о счёте, не о лжи.

— Сойдёт за половину права. Вторую оставлю на вечер.

Ярина ожидала упрёка за то, что не принесла книгу брату сразу. Кир вместо этого взял обычную бумагу и начал переписывать видимые строки за последние двенадцать лет. Плату за цеховую защиту семья вносила каждую осень: сначала серебром, потом медью и работой, в

голодный год — железом из отцовской кузницы. Напротив трёх лет стояли маленькие знаки, похожие на закрытые глаза.

— Ты знаешь их? — спросил Кир.

— Цеховая помета отсрочки.

— В хозяйственных книгах это означает переход остатка на следующий срок. Не закрытие.

Лют поднял голову от журнала.

— У нас тоже. Если бумагу или тушь выдали с отсрочкой, знак повторяют, пока не заплатят.

— Здесь не повторён, — сказала Ярина.

— Значит, остаток перенесли не в видимую строку, — ответил Кир.

Он произнёс это спокойно, как говорил о мешке муки, который лавочник записал не в тот столбец. Но Ярина слышала за числами другое: три года, когда дом Вежей не мог платить цеху полностью; отец после травмы; она сама ещё не мастер; два младших брата, которых надо было кормить. Кто-то превратил недостачу в право на её мерный год.

— У Огневиков нужно проверить такой же счёт, — сказала она.

— И у семей артельщиков.

— Сначала у Огневиков. Нам нужен доказанный случай.

— А двадцать один человек в лесу — недоказанный?

Вопрос прозвучал почти словами Демьяна, но Кир вложил в него иной смысл.

— Если их семьи уже записаны запасом, надо предупредить до того, как мы свяжем лист, — добавил он.

Ярина кивнула.

— Пойдёшь со мной на разбор?

— Ты зовёшь как брата или счётчика?

— Как человека, чьё имя могли утопить в нашем счёте.

Кир закрыл книгу.

— Тогда пойду бесплатно.

К вечернему колоколу зал цеха оказался полон. За длинным столом сидели семеро мастеров карт, двое ходоков и хранительница бумаги. У стены разместились Гнат с Анфисой, Аглая, Мирон и трое углежогов, вышедших вместе с Гнатом. Семьи живичной артели не позвали. Демьян объяснил стражнику у двери, что разбирают отдельную карту и лишние свидетели помешают.

Ярина вошла с Киром. Лют нёс копию воротной записи. Оригинал спорного листа остался в ящике под двумя печатями.

— Членам семьи здесь делать нечего, — сказал Демьян, увидев Кира.

— Тогда строке «семейный запас» тоже, — ответил Кир.

Он положил домашний счёт перед старшим.

Демьян не открыл книгу.

— Садитесь оба.

Разбор начался с показаний Гната. Он ещё раз рассказал о сером камне, семи полосах и надписи, велевшей каждому идти отдельно. На вопрос, почему подчинился, ответил просто:

— Потому что карта Ярины Вежи вывела нас на поляну. Я ей верил.

Ярина почувствовала тяжесть чужого доверия почти телом. Оно было настоящим материалом дороги, таким же, как бумага и тушь. Значит, его тоже можно было подделать её почерком.

Анфиса показала руки. По просьбе одного из мастеров попыталась обметать край принесённого лоскута. Игла дважды ушла мимо ткани. Женщина не оправдывалась. Закончив, положила рядом вчерашний шов и сегодняшний. Разница была яснее любого объяснения.

— Год обучения утрачен, — подтвердил Демьян. — Навык нарушен. Повторное обучение возможно.

— Кем назначена цена? — спросила Анфиса.

— Это и устанавливаем.

— Нет. Вы устанавливаете, что я не притворяюсь. Это уже установила Аглая. Я спрашиваю, кто взял мой год.

Демьян повернулся к хранительнице.

— Принесите книгу защиты семьи Огневиков.

Хранительница достала из шкафа узкий том. На корешке стоял знак угольного кургана. Демьян раскрыл его на закладке.

— После смерти главы дома мать Гната и Анфисы вступила в цеховой круг взаимного спасения. Вот её подпись.

— Мне было пятнадцать, — сказала Анфиса.

— Гнату семнадцать. Дом получал защиту двенадцать лет.

— Мы платили каждый год.

— Медью вы оплачивали составление обычных дорог. Для спасательной карты участники круга вносили общий запас умения.

Гнат ударил ладонью по столу.

— Мне никто этого не говорил.

— Твоя мать знала.

— Мама умерла шесть лет назад.

— Соглашение дома осталось.

Кир наклонился к книге.

— Покажите продолжение после подписи.

Демьян придержал страницу.

— Вы не мастер цеха.

— Я веду семейные счета. И вижу, что текст дописан другими чернилами.

По залу прошёл шорох. Демьян убрал руку.

Нижняя половина записи была темнее. Там перечислялись возможные умения: углежжение Гната, шитьё Анфисы, печное дело умершего дяди. Возле шитья стояла отметка «первый год, пригоден». Дата была прошлогодняя.

Анфиса подошла к столу.

— Кто это написал?

— Хранитель цеха обновляет запас ежегодно, — сказал Демьян.

— Кто приходил ко мне и спрашивал, пригоден ли мой первый год?

— Никто. Сведения берут из податной книги и ремесленных списков.

— Значит, вы не получили согласие.

— Получено согласие дома.

— От умершей матери на моё нынешнее ремесло?

— Дом продолжил пользоваться защитой и вносить плату. Это подтверждение договора.

Кир открыл счёт Вежей рядом с книгой Огневиков.

— В наших записях медь тоже названа платой за цеховую защиту. Ни слова об умениях.

— Полные условия хранятся в цехе, — ответил Демьян.

— Очень удобно для условий, которые семья не видит.

Один из старших мастеров, сухой седой человек по имени Ратибор Грань, поднял ладонь.

— Давайте не смешивать. Круг спасения существовал ещё до Демьяна. Без общего запаса мы потеряли бы десятки людей.

— Я не спрашиваю, сколько спасли, — сказала Ярина. — Я спрашиваю, кто мог распорядиться чужим годом.

— Семья могла.

— Какая семья? Умершая мать? Брат, не знавший условий? Цеховой хранитель, выпивший умение из податной книги?

Ратибор нахмурился.

— Если требовать отдельную подпись перед каждым выходом, человек погибнет, пока мы соберём родню.

— Тогда собирайте согласие заранее и называйте, на что именно.

— Люди откажутся.

— Это их право.

— А потом потребуют спасения.

— Спасение не превращает любое изъятие в согласие.

Демьян постучал ногтем по книге.

— Закон леса прост. Чтобы вернуть заблудившегося по готовому спасательному листу, надо назвать год освоения умения и плательщика. Лес не принимает медь, обещания или добрые намерения. Только то, что человек действительно умеет. Город создал круг, чтобы цена была распределена заранее и путь не зависел от паники в последний час.

— Распределена кем? — спросила Ярина.

— Цехом, который отвечает за дорогу.

— Вот и признание.

— Признание чего? Что мы делаем работу, без которой ваши соседи остаются под деревьями? Да.

Он встал. Свет из высоких окон ложился на его лицо узкими полосами.

— Вы хотите чистого выбора там, где каждый выбор запачкан страхом. Представьте мать у ворот. В лесу её ребёнок. Спросите, готова ли она отдать год умения, — она отдаст десять, даже не понимая последствий. Спросите через месяц — проклянет вас за то, что приняли ответ. Круг заменяет минутную жертву заранее установленным порядком.

— Но порядок установили не плательщики, — сказала Анфиса.

— Ваш дом вступил добровольно.

— Моя мать вступила за себя. Не за мои руки через двенадцать лет.

— Дом — это не случайные люди под одной крышей. Вы пользовались доходом Гната, он — вашим. Вы платили общие взносы.

Гнат поднялся рядом с сестрой.

— Я не пользовался её первым годом шитья.

— Пользовался рубашками, деньгами мастерской, крышей.

— Тогда забрали бы мой год за мой выход.

— Карта сочла твоё углежжение менее пригодным.

Гнат побледнел.

— Почему?

— Потому что без твоего ремесла зимой останутся без топлива три улицы. Анфиса может переучиться быстрее, а её заказы возьмут другие швеи.

В зале стало тихо.

Ярина поняла, что именно тревожило её в словах Демьяна с самого начала. Он не отрицал цену и не прятался за незнанием. Он всё рассчитал. В его расчёте Анфиса была не человеком, согласившимся или отказавшимся, а меньшим ущербом.

— Кто решил, что её год дешевле? — спросила она.

— Я утвердил выбор хранителя.

— До выхода Гната?

— Прошлой зимой, при обновлении книг.

— Значит, вы знали причину у ворот.

— Я знал возможную строку, но не знал, что лес применил её. На вашей карте.

— Не на моей. Под моим почерком.

— Лес пишет рукой мастера, связавшего дорогу. Так было всегда.

— Почему мне этого не преподавали?

Демьян посмотрел на остальных мастеров.

Никто не встретился с Яриной глазами.

— Потому что спасательные листы связывает старший, — наконец ответил он. — Обычному мастеру не нужно знать механику окончательной цены.

— Вчерашнюю карту связала я.

— Обычную дорогу. Когда она стала спасательной, лес воспользовался действующей книгой круга.

— Без моего решения.

— Ты решила вернуть семерых.

— Я не решала заплатить Анфисой.

— Мастер отвечает не только за то, что хотел сделать, но и за то, что запускает его работа.

Слова ударили точно. Ярина сама говорила Люту почти то же самое: над связующей смесью разговор — поступок. Неведение не снимало ответственности. Но Демьян использовал правду как дверь, ведущую лишь в одну сторону. Мастер отвечал за последствия, а старший сохранял право скрывать устройство, которое эти последствия назначало.

— Тогда дайте мне все книги круга, — сказала она. — Я не свяжу следующую дорогу вслепую.

— Не дам.

— В лесу двадцать один человек.

— Именно поэтому не дам потратить ночь на перепись города.

Он развернул на стене большую карту Дальнего Круга. Синие нити рек были натянуты поверх бумаги отдельно. Осенний разлив отмечался медными булавками. За последние сутки вода поднялась на две отметки.

— Через шесть дней северный рукав выйдет из берегов. Через пять затопит низкую дорогу у первой стоянки. Если артель находится в расходящихся землях, вода разделит варианты окончательно. Тогда один лист не соберёт их вместе.

— Откуда вы знаете, что они в расходящихся землях? — спросил Мирон.

Демьян положил рядом медную пластинку Руты.

— Семь телег, перечёркнутых одной линией. Проводники так отмечают смену общего порядка на раздельный. Слово «Пусть» — начало решения, кого вывести первым. Рута поняла устройство ловушки.

— И оставила предупреждение, — сказала Ярина.

— Или просьбу закончить фразу.

— Почему вы не объяснили у столба?

— Потому что у вас не было данных для выбора. Теперь есть время до разлива и подтверждение, что лес принимает старые запасы.

Анфиса коротко рассмеялась.

— Мой год для вас подтверждение исправности?

— Для меня он потеря, которая не должна оказаться напрасной.

— Вы уже сделали её напрасной, когда взяли без спроса.

Демьян выдержал её взгляд.

— Если бы Гнат остался в лесу, вы бы предпочли сохранить шитьё?

— Не смейте заставлять её отвечать после случившегося, — сказала Ярина.

— Почему? Вы требуете личного выбора. Вот он.

Анфиса взяла брата за рукав. Не для опоры — чтобы удержать его на месте.

— Я бы, может быть, отдала этот год, — сказала она. — Но вы украли у меня возможность сказать «да». А теперь хотите получить это «да» задним числом, чтобы назвать кражу порядком.

Демьян медленно сел.

— Запишите её возражение, — велел хранительнице.

— Не возражение, — поправила Анфиса. — Отказ считать моё молчание согласием. Хранительница посмотрела на Демьяна. Он кивнул, и она переписала точную фразу. Ярина раскрыла счёт Вежей на скрытой строке.

— Теперь наш дом. Что здесь утоплено?

— Это не относится к карте Огневилов.

— Относится к следующей карте.

— Я не обсуждаю семейные записи при посторонних.

— Кир — член семьи. Я требую прочитать.

Демьян взял тонкую костяную пластину и провёл ею под страницей. Скрытые слова выступили серым: «В случае нужды цеха — мерный год Ярины Вежи. Согласие старшего дома учтено».

Кир наклонился к отцовской подписи. Она стояла на соседней строке, где Тихон отдавал год кузнечного учения за давнее спасение дочери. Между подписью и записью о мерном годе было пять лет.

— Отец не мог подписать это заранее, — сказал он.

— Согласие старшего дома перешло из первой записи, — ответил Демьян.

— То есть отец однажды отдал своё и тем самым разрешил брать у нас всё последующее?

— Не всё. Один пригодный год в случае общей нужды.

— Почему именно Ярины?

— Она единственная в доме обладает редким умением, способным оплатить большую спасательную дорогу.

Ярина коснулась ладонью стола. Дерево было ровным. Она знала его длину, видела соотношение сторон, могла мысленно уменьшить зал до масштаба листа. Пока могла.

— Вы уже пытались взять его? — спросила она.

— Нет.

— Дважды моя рука забывала рейсфедер.

— Предвестник. Лист примеряет названный навык до окончательного связывания.

— Значит, поисковая карта уже связана с этой записью.

— Ещё не окончательно.

— Кто связал?

— Красный футляр Руты был подготовлен для общей дороги. Когда ты положила рядом её пластинку и начала чертить варианты, два листа узнали друг друга.

Ярина вспомнила целую чёрную печать на футляре, найденном в пустой телеге. Не пустая защита для дорожных заметок, как говорил Демьян, а часть заранее приготовленной спасательной работы.

— Вы солгали о футляре.

— Я не мог раскрыть назначение до подтверждения беды.

— Телеги вышли пустыми. Какого ещё подтверждения вы ждали?

— Такого, которое позволило бы открыть книги круга без паники.

Кир закрыл домашний счёт ладонью.

— Паника удобное слово. Им можно назвать любого, кто узнал условия после подписи.

Ратибор Грань снова поднял руку.

— Мы можем спорить до утра. Но разлив не остановится. Предлагаю признать запись Огневилов применённой, добавить обязательное уведомление семей и продолжить работу.

— Уведомление до или после утраты? — спросила Анфиса.

Ратибор отвёл взгляд.

— До, если позволяет время.

— Время позволяет сейчас, — сказала Ярина. — Не связывать лист, пока не будут названы и спрошены все плательщики.

— Тогда к утру принеси двадцать одно согласие, — ответил Демьян.

— Почему двадцать одно? Цена берётся за каждого?

— Мы не знаем, сколько отдельных выходов потребуется. Готовить надо верхнюю границу.

— Двадцать один год чужих умений.

— Или меньше. Если найдёшь общую дорогу.

— А если не найду?

— Выберем тех, чья потеря меньше навредит городу.

В его голосе не было жестокости. Именно это пугало сильнее. Демьян говорил как мастер, распределяющий редкую бумагу: без удовольствия, без сомнения, по установленной мере.

— Нет, — сказала Ярина.

— Это отказ искать артель?

— Это отказ принимать ваш список ущерба за согласие людей. Я закончу поисковый лист. Но ни одно имя не попадёт в цену без подписи самого человека.

— Подпись не удерживается связующей смесью.

— Значит, найдём способ удержать решение.

— За ночь?

— Вы дали мне до разлива.

Демьян снял со стены одну медную булавку и переставил на линию первой стоянки.

— Я даю тебе до завтрашнего заката. Потом цех заберёт работу и закончит её по книгам круга.

— На каком основании?

— На том, что мастер не может держать двадцать одного человека заложниками своей совести.

— А старший может держать семьи запасом своей карты?

— Можешь вынести этот вопрос на общее собрание после спасения.

— После того как память уже исчезнет.

— После того как люди будут живы и смогут участвовать в разговоре.

Ярина посмотрела на карту разлива. Один день был не сроком для решения, а способом заставить её выбрать между неправильной ценой и возможной смертью артели. Демьян понимал это. Возможно, когда-то похожий выбор поставили перед ним, и он решил, что порядок важнее добровольности. Но прошлое старшего не меняло нынешних имён в его книге.

— Запишите срок, — сказала Ярина хранительнице. — Завтра, закат. До этого времени цех не касается поискового листа, не вносит новые имена и не открывает футляр Руты без меня, Мирона и представителя семей.

— Представитель семей не входит в цеховой разбор, — возразил Демьян.

— Тогда лист останется у меня, и вы не получите даже сделанного.

Ратибор прошептал что-то старшему. Демьян выслушал.

— Один представитель, — сказал он. — Без права касаться инструментов.

— Кир Вежа.

— Он заинтересован в сохранении твоего года.

— Именно поэтому его согласие нельзя подменить общим.

Кир тихо выдохнул через нос. Ярина поняла, что снова выбрала его роль, не спросив.

— Если ты согласен, — добавила она.

Брат повернулся к ней. Мгновение на его лице держалось удивление, затем исчезло.

— Согласен присутствовать, — сказал он. — Не согласен отдавать за тебя ответ.

— Так и запишите.

Хранительница внесла условие.

Разбор закончился без решения по старым договорам. Книгу Огневиков запечатали до общего собрания. Демьян обязался выдать копию записи Анфисе. Спорный лист остался в воротном ящике. Всё это выглядело маленькими победами, пока Ярина не вспоминала о двадцати одном возможном годе и завтрашнем закате.

На лестнице Анфиса догнала её.

— Если понадобится вывести кого-то из артели, моё имя больше не годится, верно?

— Тот же год дважды взять нельзя.

— А второй год шитья?

— В книге был назван первый. Но пока запись дома действует, цех может назвать другое умение.

— У меня есть счёт и письмо. Я могу...

— Не предлагай сейчас.

— Вы только что требовали спрашивать.

— Спрашивать заранее, а не брать ответ у человека в первый час после потери.

Анфиса помолчала.

— Хорошо. Но не решайте, что мой ответ обязательно будет «нет».

— Не решу.

— И не делайте из меня доказательство, которое надо хранить целым. Я человек, не ваш лоскут.

Ярина достала игольник.

— Забери.

Анфиса покачала головой.

— До собрания оставьте. Только помните разницу.

Она ушла с Гнатом к Гончарной улице. Он нёс её рабочую корзину, а она объясняла, какие заказы надо отменить. Уже не как жертва и спасённый, а как двое взрослых, которым предстояло заново распределить дом.

Кир ждал у нижней ступени.

— Ты заметила, — сказал он.

— Что?

— Что назначила меня представителем до вопроса.

— Заметила поздно.

— Но спросила.

— После того как всем объявила.

— Учиться можно и с середины движения. Главное — не называть первый успех мастерством.

Они пошли к мастерской. Небо над Вереском очистилось, и на западе между крышами лежала багровая полоса. Такой цвет появлялся перед подъёмом северной воды.

— Что будем делать до завтра? — спросил Кир.

— Ты проверишь счета семей артельщиков. Только с их разрешения. И объяснишь, что именно ищешь.

— А ты?

— Закончу карту без платёжной строки.

— Демьян сказал, лес её не примет.

— До середины примет. Значит, узнаем, где именно он требует цену и можно ли оставить выбор тем, кто внутри.

— Это опасно.

— Да.

— Хорошо, что ты не сказала «безопасно, если всё сделать правильно».

Ярина посмотрела на брата.

— Я часто так говорю?

— Когда хочешь, чтобы мы не спорили.

У мастерской Лют встретил их на пороге. Лицо у него было белым.

— Я ничего не трогал, — сказал он. — Ставни закрыты. Дверь была заперта. Но строка дописалась.

Ярина отодвинула гири и сняла сукно.

Поисковый лист лежал там же. Белая полоса у обрыва следов стала красной. Над ней проступила полная запись её почерком:

«За первый общий выход — мерный год Ярины Вежи».

Ниже появилась тонкая линия для печати.

— Ты говорил что-нибудь над листом? — спросила она.

— Нет. Даже не подходил.

Кир поставил домашний счёт рядом. Скрытая строка и новая совпадали слово в слово.

Ярина взяла чистый нож и перерезала красную линию поперёк, не касаясь букв.

Бумага вздрогнула. В мастерской на миг исчез запах клея. Откуда-то издалека донёсся шум воды.

Линия срослась.

— Значит, чернилами не удалить, — сказал Кир.

— Это не чернила. Это долг, который цех считает действующим.

Ярина накрыла лист снова, но теперь знала: ткань скрывает запись только от глаз. До завтрашнего заката ей предстояло найти дорогу, которая не воспользуется уже приготовленным согласием.

И впервые она должна была сделать это без уверенности, что её ремесло переживёт следующую линию.

Глава 6. Карта на коже

До полуночи Ярина провела семь дорог и не закончила ни одной.

Она начинала от ровной черты, за которой исчезли следы артели, и всякий раз давала людям внутри леса возможность выбрать собственное действие. Один лист предполагал, что Рута соберёт всех у ручья. Другой — что три звена останутся на местах и подадут дым. Третий строился на возвращении пустых телег по той дороге, которой не прошли люди. Возможности держались, пока Ярина не сводила их к выходу. Возле кромки бумага краснела, и поверх её линий проступали одни и те же слова о мерном годе.

Лют молча снимал неудачный лист с доски и подкладывал следующий. Обычно он спрашивал, почему линия взяла такой уклон, но теперь не задавал вопросов. От его осторожности в мастерской становилось теснее.

— Перестань ходить на носках, — сказала Ярина.

Лют замер с чашкой воды в руке.

— Я не хожу.

— Ходишь. И дышишь так, будто громкий вдох спишут в цену.

Он поставил чашку на край стола.

— Если я спрошу про мерный год, вы ответите?

— Если смогу.

— Что именно вы забудете?

Ярина посмотрела на рейсфедер. Две стальные створки, винт, деревянная ручка. В двенадцать лет она училась разводить их ногтем ровно настолько, чтобы линия не расплывалась на влажной бумаге. В четырнадцать — держать расстояние шагов в голове, пока ноги вязли в торфе. В шестнадцать наставница впервые позволила ей разметать полевой квадрат без верёвочной сетки. Какой из этих годов цех называл мерным, она не знала.

— Тот, в котором меня научили превращать расстояние на земле в расстояние на листе, — сказала она. — Вероятно.

— Но вы всё равно будете знать, что такое масштаб?

— Анфиса знает, для чего игла. Рука не умеет сделать стежок. Гнат знает, как должна гореть угольница, и не может сложить её так, чтобы она не задохнулась. Знание останется словами. Работа уйдёт из глаз и рук.

— Тогда я буду мерить, а вы рисовать.

Он произнёс это слишком быстро. Ярина уже открыла рот, чтобы велеть ему не вмешиваться, и услышала в уме голос Кира: когда хочешь, чтобы мы не спорили.

— Возможно, — сказала она. — Но сейчас твоя работа — принести журнал футляров. Не выкрасть. Попросить у хранительницы под расписку.

— Она не даст.

— Тогда вернёшься без него и запишешь отказ.

— А если даст?

— Тоже запишешь.

Лют кивнул и ушёл. Через несколько мгновений Ярина заметила, что по-прежнему смотрит на дверь. Слово «возможно» далось труднее, чем ей хотелось признать. Оно оставляло место чужим рукам рядом с её ремеслом.

На восьмом листе она убрала готовый выход. Начертила только безопасные пределы: вода на севере, ложбинный ельник на востоке, каменная гряда на юге. Внутри оставила белое поле и провела от него двадцать одну короткую черту — по одной для каждого человека. Бумага не покраснела. Линии дрогнули и удержались.

Ярина добавила семь знаков телег. Черты людей тут же разошлись веером, будто каждый выбрал свою землю. Между ними возникли тонкие серые просветы.

Значит, артель не стояла одним лагерем. Люди находились в разных возможностях одного леса, как предположил Демьян. Но лист принимал их отдельные пути, пока картографка не пыталась назначить общее решение.

Она коснулась бумаги костяшкой пальца.

— Вы можете выбрать, — произнесла она. — Я могу только оставить место.

Серые просветы стали чуть шире. Потом от края листа поползла красная нить. Она не складывалась в слова, а искала, к какой из двадцати одной черты прицепиться. Ярина убрала руку. Нить остановилась.

Стук в дверь прозвучал до возвращения Люта. На пороге стоял Олесь, держа под мышкой свёрнутый кожаный фартук и узкую липовую доску.

— Кир сказал, ты не придёшь ужинать, — сообщил он. — Отец сказал, что голодный мастер сначала портит работу, потом объявляет порчу новым правилом. Я принёс пирог.

— А доска зачем?

— Чтобы ты не положила горячий горшок на карту. У тебя один стол и никакого уважения к дереву.

Он снял плащ. На правом рукаве белела свежая стружка, за ухом застрял опилочек. Ярина хотела спросить, почему брат работает ночью, но вспомнила, что сама не была дома с утра.

— Заказ для мельника? — спросила она.

— Для Анфисы. У неё рабочий стол слишком низкий. Пока рука не помнит шитьё, она будет учиться иначе, и спина не обязана платить вместе с памятью.

Олесь развернул фартук. В нём лежали пирог, две ложки, маленький горшок с тушёной репой и деревянный угольник.

— Ты принёс угольник к ужину?

— Он лежал в кармане. Мы, простые ремесленники, иногда носим инструменты без тайного умысла.

Ярина освободила край стола. Олесь поставил липовую доску поперёк двух ящиков, устроив скамью, и разделил пирог рукоятью ложки.

— Кир ушёл к семьям? — спросила она.

— К четырём. Остальные придут утром в мастерскую счетовода. Он велел передать: никто не разрешил открывать семейную книгу без свидетеля. Двое вообще не знали, что у их дома есть запас умения.

— Демьян скажет, что предупреждение вызвало панику.

— А у нас она называется разговором.

Олесь заметил двадцать одну черту на новом листе, но не потянулся ближе.

— Это они?

— Возможности каждого. Пока без общего выхода.

— А красное?

— Цена ищет имя.

— Твоё?

— Любое пригодное из книги, если дать ей закончить путь.

Олесь прожевал кусок пирога и вытер ложку о хлебную корку.

— В нашей книге есть моё?

— Я видела только скрытую строку обо мне.

— Это не ответ.

— Других строк на странице не было.

— Тоже не ответ.

Ярина отложила ложку.

— Я не знаю. Полные книги хранятся в цехе. Семейный счёт, похоже, показывает только то, что уже перенесли в сборы.

— Тогда почему ты ищешь новую дорогу, не зная всех имён, которыми она может заплатить?

— Потому что через пять дней вода закроет путь.

— А до завтрашнего заката Демьян заберёт лист. Я слышал. Я спрашиваю не почему ты торопишься. Почему работаешь с закрытыми глазами?

— Цех не даст книги.

— Ты просила?

— На разборе. Он отказал.

— Ты просила все книги круга. А нашу полную запись?

Ярина не ответила.

Олесь поднял угольник и положил его рядом с листом.

— Если доска кривая, я не требую у леса все доски Вереска. Я проверяю ту, которую собираюсь прибить.

— В цене может оказаться не наша семья.

— Тогда проверишь следующую. С разрешения семьи. Ты всё время пытаешься найти способ, который спасёт сразу всех и не заставит никого ждать. Может, такого способа нет.

— Люди внутри уже ждут.

— Поэтому начни с одного настоящего имени, а не с двадцати одного возможного.

В дверь снова постучали. Лют вернулся вместе с хранительницей цеха Ядвигой Слойд. Невысокая женщина несла красный футляр Руты обеими руками, как полено, из которого мог выскочить огонь. Чёрная печать Демьяна на крышке оставалась целой. На ремне висел журнал выдачи.

— Журнал из хранилища не выносят, — сказала Ядвига вместо приветствия. — Футляр по условию разбора можно осматривать при свидетелях. Старший спит в комнате совета. Я не стала его будить, потому что запрета на ночной осмотр нет.

— Зато утром будет, — заметил Олесь.

Ядвига посмотрела на него.

— Поэтому я пришла сейчас.

Она положила журнал на липовую доску, которую Олесь принёс для ужина. Ярина расписалась за осмотр. Свидетелями вписали Ядвигу, Люта и Олесья. Кир должен был присутствовать при открытии самого листа, но печать футляра они трогать не собирались.

— Рута получила его после летней грозы? — спросила Ярина.

Ядвига перелистнула журнал.

— Третьего дня месяца Пчёл. Защитный футляр, один чистый лист, дорожный грифель, две медные закладки. Возврат после осеннего сбора живицы.

— Кто готовил выдачу?

— Я.

— Кто вложил лист?

Хранительница задержала палец на строке.

— Футляр принесли из комнаты старшего уже опечатанным. Я внесла предметы с его слов.

— Значит, не видели чистого листа.

— Нет.

— А медные закладки?

— Тоже.

Лют наклонился к ремню.

— Здесь одна пряжка новая.

Ядвига резко повернула футляр к себе.

— Не касайся.

— Я не касаюсь. Просто старая кожа темнее, а возле нижней пряжки ремень светлый.

Олесь присел, чтобы смотреть вдоль стола.

— Не пряжка новая. Её переставляли. Видите старые проколы на толщину пальца выше?

Ярина увидела две тёмные точки. Такие следы могли остаться после ремонта, но ремень не был порван. На краю футляра шёл едва заметный двойной шов: один старый, натёртый воском, другой свежий.

— Подкладку снимали, — сказал Олесь.

— Зачем? — спросил Лют.

— Чтобы вложить что-то между кожей и деревом. Или вынуть.

Ядвига провела ногтем по шву.

— Эти футляры чинят в цеховой мастерской. Отметки о ремонте нет.

— Можно заглянуть без повреждения печати? — спросила Ярина.

Олесь осмотрел торец.

— Крышка опечатана, но подкладка крепится к наружной коробке. Если вынуть нижнюю пряжку, край отойдёт. Отверстия останутся те же. Только нужен тонкий костяной клин.

— Это будет считаться вскрытием?

Ядвига раскрыла журнал на правилах хранения. Прочитала дважды.

— Вскрытие — нарушение печати или открытие крышки. О ремонте наружной части не сказано.

— Потому что правила писал человек, который не ждал списка в подкладке, — сказал Олесь.

Хранительница нахмурилась, но спорить не стала. Ярина вписала в журнал состояние шва, старые отверстия и цельность печати. Каждый свидетель поставил знак. Только после этого Олесь достал из кармана плоский клин.

Он работал медленно. Сначала снял нагрузку с ремня, подложив под футляр сложенный фартук. Затем приподнял кожаный язычок, не царапая воск. Медная заклёпка вышла с тихим скрипом. Из щели пахло дубовой корой и чем-то горьким, похожим на старую связующую смесь.

Подкладка отошла на ширину ногтя.

— Там не бумага, — сказал Олесь.

Ярина осветила лампой сбоку. Между красной кожей и деревянной стенкой лежал ещё один слой — тонкий, бледный, весь в тёмных точках.

— Пергамент? — спросил Лют.

— Кожа, — ответила Ядвига. — Очень тонко выделанная.

Олесь расширил щель. На внутреннем слое показались линии, похожие на жилки листа. Ярина сначала приняла их за трещины. Потом различила прямоугольники и короткие засечки. Это была карта, только вместо рек на ней шли улицы Вереска, а вместо дорог — связи между мастерскими и домами.

— Не вынимайте, — сказала она. — Если слой связан с футляром, разрыв может что-нибудь запустить.

Она подвинула лампу. От тепла бледная кожа темнела. По ней один за другим выступали мелкие знаки.

У каждого прямоугольника мастерской стояло имя. Ратибор Грань — память о восстановлении размокших листов. Ядвига Слой — год распознавания бумаги по волокну. Мирон Лещ — год чтения следа на камне. Ниже шли семьи: пекари, швеи, лодочники, углежог, плотники. Рядом с именами были вписаны умения, сроки учения и короткие пометы о пригодности.

Ярина читала, не сразу понимая, почему список кажется знакомым. Потом увидела те же закрытые глаза, что Кир нашёл в семейном счёте. Только здесь знак означал не перенос медной недоимки. Он соединял дом с тем умением, которое цех оставлял на будущий случай.

— Это не перечень одного спасения, — сказала она. — Это весь круг.

Ядвига побледнела.

— Такой список не должен покидать хранилище.

— Он покинул. С Руткой.

— Демьян мог вложить его, чтобы карта знала запас в лесу.

— Тогда красный футляр был не защитой для чистого листа. Он нёс готовые имена.

Лют всмотрелся в прямоугольники.

— Почему карта на коже, а не в книге?

Ярина провела пальцем над слоем, не касаясь.

— Бумагу лес меняет. Кожу — труднее. Она уже была частью живого существа и помнит одну форму. На ней можно пронести перечень через расходящиеся земли, не дать дорогам переписать его сразу.

— Чью кожу? — тихо спросил Лют.

— Козью, — ответила Ядвига. — Для тонкого пергамента берут козью. Не человеческую, если ты об этом.

Лют покраснел, но не отвёл взгляда.

Олесь нашёл среди прямоугольников знак дома Вежей. Рядом с именем Тихона стояла зачёркнутая кузнечная строка. Ниже — Кир: год ведения двойного счёта, «не брать при живом кормильце». Ещё ниже — Олесь: первый год столярного соединения, «пригоден после проверки». Последней шла Ярина.

Возле её имени было всего два слова: «мерный год».

Не «пригоден». Не «проверить». Черта от записи тянулась прямо к середине футляра, туда, где под целой печатью лежал неизвестный лист.

Ярина почувствовала знакомую пустоту в пальцах. Рейсфедер на столе вдруг стал предметом, который надо было взять, но рука не помнила, каким движением. Она прижала ладонь к липовой доске и переждала. Под кожей ощущались мелкие следы рубанка, оставленные Оле-сем поперёк волокон. Сначала вернулось понимание нажима, потом расстояния, потом собственная рука.

— Опять? — спросил брат.

Она могла сказать, что просто устала. Раньше сказала бы именно так.

— Да. Короткий провал. Такое было дважды до пропажи артели.

— И ты молчала.

— Молчала.

— Почему?

— Боялась, что меня отстранят от работы. И что дом останется без моего заработка.

Олесь посмотрел на неё так, будто она положила перед ним плохо сколоченный ящик и ждала похвалы.

— Кир зарабатывает. Я зарабатываю. Отец чинит мелкое железо, когда рука позволяет.

— Я знаю.

— Похоже, только словами.

Ярина не стала защищаться. На коже футляра семья была сведена к запасам, и её привычка сводить братьев к тем, кого она обязана кормить, вдруг показалась родственной цеховому счёту. Масштаб был другой, но движение то же: решить, что полезнее человеку, прежде чем спросить его.

— Запись обо мне соединена с внутренним листом, — сказала она. — Возможно, провалы начались, когда футляр вошёл в лес.

Ядвига покачала головой.

— Цена берётся при выходе. До этого умение не исчезает.

— Не исчезает целиком. Но лист мог примерять его, проверять пригодность.

— Как дорога проверяет обещание у столба, — догадался Лют.

Ярина кивнула. Лес отвергал невозможные поступки до того, как человек делал шаг. Готовая цена тоже должна была быть возможной. Короткие провалы могли означать, что футляр уже держал её мерный год на весу, убеждаясь, что он существует.

— Рута знала о подкладке? — спросил Олесь.

Ярина вспомнила пластинку из кострища: семь черт, перечёркнутых одной, незаконченное «Пусть». Рута просила защищённый лист после грозы, но получила футляр с картой цеховых умений. Возможно, она обнаружила список уже в лесу. Возможно, именно поэтому остановила общее решение.

— Если знала, могла отказаться выбирать первого, — сказала Ярина. — Семь телег — семь звеньев артели. Общая черта — один выход. «Пусть» могло продолжаться именем того, кого карта назначала ценой. Она не дописала.

— Или не успела, — сказал Лют.

— Или поняла, что любое имя запустит список.

Ядвига опустилась на табурет.

— Я выдала это ей.

— Вы выдали опечатанный футляр по приказу старшего, — сказала Ярина.

— А ты связала дорогу Гната, не зная о книге. Это не вернуло Анфисе год.

Ярина встретила её взгляд. Хранительница не просила утешения. Она требовала применить к ним обоим одно правило.

— Не вернуло, — согласилась Ярина. — Поэтому запишем точно, кто что сделал и чего не знал.

Они перенесли список на четыре листа. Ядвига читала имена, Лют записывал, Олесь сверял прямоугольники домов, а Ярина отмечала связи с ремесленными мастерскими. Возле каждого имени она оставляла пустое место для ответа владельца умения. Не галочку цеха, не подпись главы дома, а отдельное «да», «нет» или «не спрашивали».

Когда дошли до живичной артели, обнаружили ещё одну особенность. Семьи всех двадцати одного человека были связаны не только с цеховым кругом, но и друг с другом. Если плательщик терял умение, от которого зависел его дом, линия переходила к соседней мастерской. Демьян действительно считал ущерб для города. Он заранее построил цепь замен, чтобы печи не остались без угля, лодки — без смолы, дома — без хлеба.

В расчёте не было лишь одного: ответа тех, чьи годы он переставлял.

— Он назовёт это доказательством своей правоты, — сказала Ядвига. — Посмотрите, сколько работы. Нельзя составить такое в минуту беды.

— Работа настоящая, — ответила Ярина. — Право решать из неё не следует.

— А если после вопросов цепь развалится?

— Тогда она никогда не была дорогой. Только надеждой старшего, что люди поступят как ему удобно.

Лют закончил последнюю строку и потряс рукой.

— Здесь сто восемьдесят три имени.

— Сто восемьдесят три ответа мы до заката не получим, — сказал Олесь.

— Нам не нужны все, — сказала Ярина. — Только те, кого может коснуться первый выход.

Она вернулась к поисковому листу. Красная нить всё ещё застыла у двадцати одной черты. Ярина положила рядом копию кожаной карты. Приближать оригинальный футляр к связующей смеси она не решилась.

Сначала ничего не произошло. Тогда она зачеркнула возле своего имени помету цеха и написала: «Не согласна». Красная нить дрогнула, подошла к её строке и остановилась перед словами, будто наткнулась на закрытую дверь.

— Удержалось, — прошептал Лют.

Ярина добавила возле Кира и Олесь: «Не спрашивали». Нить разделилась на два тонких усика, коснулась записей и тоже отступила.

— Бумага принимает не только согласие, — сказала она. — Она принимает отсутствие согласия как настоящее условие.

— Значит, если все скажут «нет», выхода не будет, — заметила Ядвига.

— Да.

Произнести это оказалось тяжело. Честная карта могла не спасти человека. Ярина не собиралась прятать эту возможность за красивыми словами.

— А если кто-то скажет «да»? — спросил Олесь.

— Тогда мы должны знать, что он понимает цену и не отвечает вместо другого.

— Ты уже решила, что моё «да» не примешь?

— Нет.

— Подумай ещё. Ответ прозвучал слишком быстро.

Ярина заставила себя помолчать.

— Я не хочу принимать твой год.

— Это не то же самое, что не принять.

— Не то же.

— Тогда пока запиши «не спрашивали».

Она так и оставила.

За окнами прошёл первый предрассветный воз. Колёса глухо ударили о стык мостовой. До заката оставалось меньше дня.

Они вернули подкладку на место. Олесь посадил заклёпку в старые отверстия и натянул ремень ровно настолько, как было отмечено угольной чертой. Ядвига проверила чёрную печать. Лют внёс в журнал каждое действие, а затем все четверо подписали запись об обнаруженной кожаной карте. Копии списка Ярина разделила: одну взяла Ядвига для цеха, вторую — Олесь для Кира, третью Лют спрятал в мастерской под доской с учебными ошибками. Четвёртая осталась на столе рядом с поисковым листом.

— Демьян заберёт их, — сказала Ядвига.

— Одну, возможно. Не все.

— Он снимет меня с хранения.

— Вы хотите уйти сейчас?

Хранительница застегнула журнал на медную скобу.

— Нет. Но я хочу, чтобы вы не называли мой страх согласием.

— Не назову.

Ядвига ушла вместе с футляром. Лют отправился будить Мирона и Аглаю: они должны были подтвердить состояние печати и сравнить список с запечатанной картой Гната. Олесь остался у двери.

— Я отнесу копию Киру, — сказал он. — Потом вернусь.

— Зачем?

— Ты собираешься к кромке.

Ярина посмотрела на двадцать одну черту.

— Нужно проверить, можно ли передать внутрь не готовую дорогу, а вопрос.

— Вот и я о том.

— В лес пойдут ходоки.

— А футляр разобрал ходок?

— Это другое.

— Всё всегда другое, когда ты хочешь оставить нас дома.

Она устало провела ладонью по лицу.

— Олесь, через несколько часов цех попробует забрать лист. Мне надо работать, а не спорить о каждом шаге.

— Тогда не решай каждый шаг за меня. Спроси один раз.

Ярина посмотрела на его руки. На левом большом пальце темнел след от старого пореза, на правой ладони кожа была грубее там, где лежала рукоять рубанка. В подкладке футляра эти руки назывались «первым годом столярного соединения» и пометой о пригодности. Для Демьяна — запас. Для неё слишком часто — имущество, которое надо уберечь вопреки владельцу.

— Ты готов пойти к медному столбу, чтобы проверить передачу вопроса, понимая, что лес может удержать дорогу и примерить твоё умение как цену?

— Готов дойти до столба и остановиться, если мы заранее не согласуем следующий шаг.

— Готов сказать «нет», если карта потребует назвать твоё ремесло?

— Готов ответить сам. Не обещаю, что ответ будет тем, который тебе понравится.

Ярина медленно кивнула.

— Тогда возвращайся с Киром. И возьми угольник.

Олесь улыбнулся одним углом рта.

— Видишь? Иногда простой ремесленник носит инструмент с тайным умыслом.

Когда дверь за ним закрылась, Ярина снова склонилась над листом. Она не стала чертить выход. Вместо этого у первой из двадцати одной линий написала вопрос:

«Что ты сделаешь сам, если дорога не назовёт за тебя цену?»

Буквы исчезли, будто впитались в глубину бумаги. Через несколько ударов сердца у ровной черты обрыва проступила маленькая медная точка — такая же, как на пластинке Руты.

Лес принял вопрос.

Красная нить отступила от имён, но не исчезла. Она легла по краю карты и ждала ответа.

Ярина закрыла глаза лишь на мгновение. Впереди оставались двадцать один человек, разлив, цех и список из ста восьмидесяти трёх чужих умений. Ничего не стало легче. Зато впервые с появления пустых телег карта не требовала от неё решить, кем заплатить.

Она требовала добраться до тех, кто имел право ответить.

Глава 7. Первый возвращённый

К медному столбу пришли девять человек, хотя Ярина звала пятерых.

Кир и Олесь принесли копию списка. Мирон привёл Аглаю с лекарской сумкой. Лют нёс поисковый лист в простом деревянном коробе, потому что красный футляр остался в хранилище. Следом явились Сава Глин, Нежата Край и Анфиса Огневик. Анфиса держала игольник с недошитым лоскутом.

— Я не пойду за столб, — сказала она прежде, чем Ярина успела возразить. — Но если карта опять возьмёт чужой год, хочу увидеть когда.

— Почему лоскут у вас? — спросила Аглая.

— Чтобы проверить, не вернулось ли хоть что-нибудь. Пока нет.

Небо только начинало сереть. В низине лежал туман, и верхушки елей казались отдельными островами. На медном столбе блестели капли. Под тремя вопросами кто-то за ночь нацарапал четвёртый: «Кто заплатит?» Мирон стёр надпись рукавицей, но царапина осталась.

Ярина поставила короб на дорожный камень.

— До столба мы проверяем только передачу вопроса, — сказала она. — За кромку никто не идёт без нового общего решения. Если дорога требует имя или умение, останавливаемся.

— Согласен, — ответил Олесь.

Остальные повторили. Анфиса и Кир остались со стороны города. Аглая встала ровно у столба. Мирон, ходоки, Ярина, Олесь и Лют перешли на лесную сторону на три шага.

Ярина открыла короб.

За ночь медная точка выросла в маленький круг. От него к краю листа тянулась прерывистая линия. Красная нить цены лежала отдельно и не касалась ни одного имени.

— Куда идёшь? — прочитал Мирон первый вопрос на столбе.

— К границе слышимости артели, — ответила Ярина.

Лист принял слова лёгким шорохом.

— С кем вернёшься?

— Ни с кем без его решения.

Бумага осталась белой.

— Что сделаешь при изменении дороги?

Ярина посмотрела на спутников. Раньше она бы ответила за всех, выбрав самое осторожное действие.

— Остановлюсь и назову то, что вижу. Потом услышу остальных.

На земле за столбом проступила узкая полоса мха. Она не уходила в глубину, а заканчивалась у первой ели. Дорога позволяла только слышать.

Они дошли до дерева. Дальше стоял обычный подлесок, густой и мокрый. Ярина положила лист на корень. Медный круг оказался ровно над тем местом, где накануне обрывались следы.

— Вижу конец разрешённой тропы, — сказала она.

— Слышу воду справа, — сообщил Сава.

— Слышу дятла, — сказала Нежата. — Больше ничего.

Олесь поднял ладонь.

— Слышу стук. Не дятла. Три удара, пауза, два.

Все замолчали. Из глубины леса донеслось: тук, тук, тук. Долгая пауза. Тук, тук.

Лют опустил на корточки рядом с картой.

— Медная точка двигается.

Она и правда сместилась на толщину волоса. Ярина вынула дорожный грифель.

— Кто слышит нас? — написала она рядом с вопросом.

Слова впитались. Стук прекратился. Потом раздался один удар, ещё один, а после хриплый мужской крик:

— Не знаю!

Голос звучал близко и далеко одновременно. Аглая шагнула к ели, но Мирон удержал её за локоть.

— Мы у северного столба Вереска! — крикнула Ярина. — Назови себя!

Долго никто не отвечал. Между деревьями пополз туман. Он собирался в прямую белую стену, хотя ветер шёл от леса.

— Савва Кленец! — донеслось наконец. — Живичник из второго звена!

Кир раскрыл список артели.

— Есть. Тридцать девять лет. Сестра и двое племянников на Речной улице.

— Ты один? — спросила Ярина.

— Здесь один! Остальные... в других местах. Я слышал Руту вчера. Или завтра. Не понимаю!

Последние слова утонули в кашле.

Аглая прислушалась.

— У него грудь повреждена или жар. Надо выводить.

— Савва, что ты видишь? — крикнула Ярина.

— Мосток. Гнилой. За ним ваши голоса. Под ним вода, но она течёт вверх. Нога распорота. Стоять не могу.

На листе от медной точки выросла короткая коричневая черта. Она не доходила до кромки. Рядом проступил знак двух досок, положенных крестом.

Олесь наклонился.

— Это соединение в полдерева. Если мосток расходится посередине, его можно стянуть клином.

— Ты его не видишь, — сказала Ярина.

— Но он видит. Пусть скажет, где трещина.

Ярина передала вопрос. Савва отвечал обрывками: две продольные жерди, настил из кругляка, средняя связь выскочила, дальний конец держится под корнем. Олесь положил угольник рядом с картой и начал чертить на сырой земле.

— Ему нужен клин с ладонь, — сказал он. — Можно вырубить из края настила. Вставить снизу и ударить обухом топора.

— У меня нож, — отозвался Савва. — Топор упал.

— Ножом долго. И лёжа не подлезть.

На поисковом листе появилась тонкая тропа. Она начиналась у ног Олесья, проходила через медный круг и обрывалась у знака мостка.

Красная нить дрогнула.

— Стоп, — сказала Ярина.

Все отступили от листа, кроме Олесья. Он не двигался, только смотрел на коричневую черту.

— Я могу дойти до мостка, — сказал он.

— Мы договорились остановиться у столба.

— Мы остановились и получили новый факт. Теперь решаем следующий шаг.

— Цена ищет твоё имя.

— Пока только дорога начинается у моих ног.

— В кожаной карте возле тебя записано столярное соединение.

— Именно поэтому я понимаю, что делать.

Ярина почувствовала, как привычный ответ уже готов: нет, слишком опасно, оставайся. Она заставила себя спросить:

— Ты согласен отдать первый год учения ради выхода Саввы?

— Нет.

Ответ был ясным, без паузы.

— Тогда не идёшь.

— Я не согласен платить памятью. Но согласен починить мосток, если дорога пропустит меня без этой цены.

— Лес не различит.

— Мы не знаем.

— Красная нить различает достаточно.

Олесь провёл пальцем в воздухе над картой.

— Напиши мой ответ. Полностью. Не «нет» возле имени, а условие поступка.

Ярина написала: «Олесь Вежа согласен укрепить мосток. Не согласен отдавать память или умение».

Буквы удержались. Тропа стала темнее, а красная нить отступила к краю листа.

— Видишь? — сказал Олесь.

— Вижу, что карта приняла условие. Не знаю, исполнит ли.

— Поэтому до мостка пойдём с верёвкой. Если появится цена, возвращаемся.

Мирон снял моток с плеча.

— Я впереди. Олесь за мной. Вежа ведёт карту. Остальные у столба.

Ярина ждала возражения от леса. Мох продолжился за первой елью. Тропа была шириной в одну ступню и такой бледной, словно её видели сквозь воду.

— До первого изменения, — согласилась она.

Анфиса поймала Олесь за рукав, прежде чем он шагнул.

— Если почувствуешь пустоту в руках, говори сразу.

— Скажу.

— Не как мастер мастеру. Как человек, который вчера тоже думал, что просто устал.

Олесь кивнул.

Они прошли меньше сотни шагов. Городской шум исчез после десятого. У двадцатого за спиной не осталось столба, хотя Ярина знала, что Анфиса стоит в двух саженях. На пятидесятом воздух запах живицей. На семидесятом тропа упёрлась в ручей, текущий вверх по склону.

Мосток лежал поперёк воды. Савва находился на другом конце, прижавшись спиной к корням ели. Штанина была разорвана от колена до сапога, ткань потемнела от крови. Лицо блестело от жара.

— Не наступайте, — выговорил он. — Середина ходит.

Мирон проверил первую жердь шестом. Мосток качнулся, и вода под ним поднялась дугой, будто хотела достать настил.

— Назад не перебросить, — сказал ходок. — Верёвка не долетит.

Олесь лёг на живот у края. Осмотрел связь, попросил Ярину описать знак на карте, затем вырезал из сухого корня два клина. Его руки двигались уверенно.

— Провала нет? — спросила Ярина.

— Нет.

Он закрепил верёвку вокруг груди, второй конец отдал Мирону и пополз по левой жерди. На середине мосток просел. Олесь остановился, сунул руку под настил и нащупал разошедшееся соединение.

Красная нить на листе поднялась, как волос от огня.

— Возвращайся, — сказала Ярина.

— Цена появилась?

— Нить движется.

— К имени?

Ярина посмотрела. Нить тянулась не к записи Олеся, а к пустому краю.

— Пока нет.

— Тогда я ставлю клин.

Первый удар рукоятью ножа прозвучал глухо. Второй — звонче. Жерди сблизилась. Олесь вставил второй клин сверху и затянул его верёвочной петлёй.

— Готово. Савва, ползи ко мне.

Живичник попытался встать и тут же упал. Мирон закрепил вторую верёвку на стволе. Олесь перебрался к раненому, обвязал его под руками и велел отталкиваться здоровой ногой. Красная нить метнулась через лист.

Она прошла мимо слов о несогласии и вонзилась в знак мостка.

— Олесь, стой!

Но в тот же миг со стороны города ударил цеховой колокол. Один длинный звон — приказ старшего открыть служебную дорогу.

Под поисковым листом проступил чёрный водяной знак.

Ярина прижала бумагу ладонями. Знак не исчез. Кто-то у кромки связал карту с цеховым запасом.

— Мирон! — крикнула она. — Демьян запустил футляр!

Ходок выругался и дёрнул верёвку.

— Оба назад! Сейчас!

Олесь толкнул Савву на укреплённую середину. Мосток выгнулся. Вода ударила снизу, но клин удержался. Мирон тянул раненого, Ярина — его ремень. Олесь полз следом.

На коже его правой ладони проступила тонкая красная линия, точно такая же, как на карте.

— Руку! — крикнула Ярина.

— Потом!

Он подтолкнул Савву ещё раз. Живичник перевалился на берег. Аглая и Сава, которых дорога теперь пропустила к раненому, подхватили его.

Олесь поставил колено на край мостка и замер.

Красная линия на ладони сомкнулась кольцом.

Поисковый лист сам дописал под условием: «Действие принято. Первый год столярного соединения взят за первый выход».

— Нет, — сказала Ярина.

Она перечеркнула строку. Черта легла поверх букв, но смысл не исчез.

Олесь посмотрел на собственную руку.

— Я в порядке.

— Возьми клин.

— Зачем?

— Возьми.

Он поднял оставшийся кусок корня. Повертел, проверил большим пальцем скос.

— Клин.

— Как ты сделал соединение?

— Вставил снизу, второй сверху, стянул петлёй.

— Кто тебя этому учил?

Олесь открыл рот и не ответил.

Вода снова пошла обычным течением вниз. За спиной появились медный столб, Анфиса и Кир. Рядом с ними стоял Демьян. У его ног лежал красный футляр с разломанной чёрной печатью.

Ярина перешла к нему, не замечая расстояния.

— Вы запустили список после прямого отказа.

— Я открыл служебную дорогу, когда раненый начал выход, — ответил Демьян. — Иначе лес закрыл бы мосток вместе с ним.

— На листе было условие Олеся.

— Лес принял действие как часть спасения.

— Он не принял цену.

— Действие стало ценой, потому что было названо умение.

Олесь подошёл с другой стороны. Шёл ровно, только правую ладонь держал раскрытой.

— Моё умение назвали вы, — сказал он.

— Оно было в книге круга.

— Я сказал «нет».

— Ты вошёл на дорогу и применил именно то, что было записано.

— Я согласился починить мост. Не забыть человека, который меня учил.

Демьян посмотрел на него внимательнее.

— Нынешний навык сохранился?

— Вам легче от этого?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.